

1

Можно, пожалуй, начать с писем Хелен, адресованных сестре.

**Говардс-Энд,
вторник**

Моя дорогая Мег!

Он совсем не такой, как мы ожидали. Маленький, старый и совершенно очаровательный — из красного кирпича. Мы едва можем здесь разместиться, и лишь Господь ведаёт, что будет, когда завтра приедет Пол (младший сын). Из холла можно пройти направо или налево, в столовую или в гостиную. Да и сам холл, по сути дела, не больше обычной комнаты. Если же открыть из него ещё одну дверь, то можно увидеть лестницу, ведущую, словно сквозь некий тоннель, на второй этаж. Там расположены в ряд три спальни, а над ними, тоже в ряд, три чердачных помещения. Это, по правде сказать, ещё не весь дом, но когда смотришь со стороны сада, то видны только девять окон.

В саду, по левую сторону от дома, если встать к нему лицом, растёт шершавый вяз, немного склоняясь к зданию и отмечая границу между садом и лугом. Я уже успела полюбить это дерево. Тут есть и обычные вязы, и дубы —

ничуть не хуже всех прочих дубов, — и груши, и яблони, и дикий виноград. А вот берез нет. Однако надо бы перейти к хозяину и хозяйке. Мне только хотелось дать тебе понять, что это вовсе не то, что мы с тобой ожидали. И с чего нам вдруг взбрело в голову, будто их дом непременно окажется с остроконечными фронтонами и завитушками, а в саду все дорожки будут посыпаны желтым песочком? Наверное, все дело в том, что сами хозяева ассоциируются у нас с дорогими отелями — миссис Уилкоккс неспешно ступает в роскошном платье по длинному коридору, а мистер Уилкоккс гоняет несчастных портье и прочее и прочее. Какие же мы, женщины, несправедливые!

Возвращаюсь я в субботу. О поезде сообщу позднее. Они рассердились не меньше моего, что ты не приехала. Ну, право же, Тибби просто невыносим — каждый месяц у него какая-нибудь смертельная болезнь. Как он умудрился получить сенную лихорадку в Лондоне? Но даже если и так, с твоей стороны это уж слишком — отменить поездку, чтобы слушать, как мальчишка чихает. Передай ему, что Чарлз Уилкоккс (сын Уилкоксов, который гостит здесь) тоже страдает сенной лихорадкой, но держится молодцом и даже злится, когда мы справляемся о его здоровье. Такие люди, как Уилкоксы, могли бы оказать на Тибби благотворное влияние. Но ты со мной не согласишься, а посему будет лучше, если я перемену тему.

Письмо такое длинное, потому что я пишу перед завтраком. Ах как красивы виноградные листья! Весь дом обвит диким виноградом. Недавно я выглянула в окно и увидела, что миссис Уилкоккс уже в саду. Сразу видно, что она его любит. И неудивительно, что временами выглядит усталой. Она смотрела, как распускаются большие красные маки, а потом ушла с лужайки на луг, уголок которого мне виден с правой стороны. «Шуршур» — тянулось по мокрой траве ее длинное платье, а

после она вернулась с огромной охапкой скошенной вчера травы — должно быть, для каких-нибудь кроликов — и знаешь, миссис Уилкоккс все время ее нюхала. Воздух здесь восхитительный. Позже я услышала стух крокетных шаров и снова выглянула в окно. Оказалось, что это тренируется Чарлз Уилкоккс, ибо хозяйева любят играть в самые разнообразные игры. Но вскоре Чарлз начал чихать и принужден был остановиться. Опять слышу постукивание — теперь это тренируется мистер Уилкоккс, а затем раздается «вжих-вжих», и он тоже останавливается. Выходит Иви и начинает делать какие-то гимнастические упражнения на агрегате, который прикреплен к сливе-венгерке — здесь всему найдут применение, — говорит «вжих-вжих» и возвращается в дом. Наконец вновь появляется миссис Уилкоккс, шур-шур, все так же нюхает сено и смотрит на цветы. Я так подробно рассказываю, потому что ты однажды сказала, что жизнь иногда бывает жизнью, а иногда всего лишь драмой, и нужно научиться отличать одно от другого. До сегодняшнего дня я считала твои слова «умной бессмыслицей Мег», однако сегодня утром жизнь и вправду показалась мне не жизнью, а пьесой, и мне было чрезвычайно забавно наблюдать за Уилкокксами.

Пришла миссис Уилкоккс.

Я надену (пропуск). Вчера вечером на миссис Уилкоккс было надето (пропуск), а на Иви (пропуск). Так что это не совсем тот дом, где можно носить что заблагорассудится, и если закрыть глаза, то, пожалуй, я действительно пребываю в отеле с завитушками, который мы с тобой и ожидали здесь найти. Но стоит глаза открыть, как все становится иначе. Какой милый шиповник! Он растет в виде огромной живой изгороди за лужайкой — роскошные высокие кусты, ниспадающие гирляндами цветов, но тонкие и нежные внизу, так что через них

можно увидеть уток и корову. Эти последние живут на ферме, в единственном строении, расположенном по соседству. Гонг зовет к завтраку. Шлю тебе большой привет, Тибби — тоже привет, но поменьше. Привет и тетушке Джули. Было очень мило с ее стороны приехать и составить тебе компанию, но какая же она зануда! Сожги это письмо. Еще напишу в четверг.

Хелен

**Говардс-Энд,
пятница**

Моя дорогая Мег!

Я чудесно провожу время! Они все мне нравятся. Миссис Уилкоккс более молчалива, чем в Германии, и чрезвычайно мила. К тому же мне не доводилось видеть в людях такого непоколебимого бескорыстия, как у нее. Однако еще приятнее то, что никто не пытается им воспользоваться. Это самое счастливое и веселое семейство, какое только можно вообразить. И мне кажется, что мы и вправду становимся друзьями. Особенно забавно, что меня считают простушкой и прямо так и говорят — по крайней мере мистер Уилкоккс, — и когда это происходит, но никто против меня ничего не имеет, то, пожалуй, тут-то и проявляется доброе отношение, не правда ли? Он с весьма милым видом говорит ужасные вещи о женском избирательном праве, а когда я заявила, что верю в равноправие, он сложил руки на груди и прочел такую нотацию, какую мне еще слышать не приходилось. Неужели, Мег, мы не научимся держать язык за зубами? Никогда в жизни мне не было так стыдно. Я не смогла назвать ни одного периода, когда люди были бы равны или когда желание достичь равноправия сделало бы их хоть в чем-то счастливее. Я не смогла сказать ни слова, потому что, видно, просто позаимствовала идею о том, что равноправие — это хорошо, из какой-нибудь книги:

быть может, из стихов или от тебя. Как бы то ни было, идея равноправия была разбита в пух и прах, но, как все поистине сильные личности, мистер Уилкокс сделал это, ничуть меня не обидев. Я же, со своей стороны, смеюсь над их сенной лихорадкой. Мы живем словно бойцовые петиухи, а Чарлз каждый день возит нас покататься в автомобиле — склеп с растущими внутри деревьями, жилище отшельника, прекрасная дорога, некогда проложенная мерсийскими королями, — потом теннис, игра в крикет, бридж, а под вечер мы все набиваемся в наш милый дом. Теперь здесь собралось все семейство — как в садке для кроликов. Иви очаровательна. Мне предлагают остаться до следующей недели — полагаю, ничего не случится, если я соглашусь. Погода восхитительна, воздух восхитителен, как и виды на запад, вплоть до дальних холмов. Спасибо тебе за письмо. Сожги мое.

Твоя любящая

Хелен

**Говардс-Энд,
воскресенье**

Моя дорогая, дорогая Мег!

Не знаю, что ты на это скажешь: мы с Полом любим друг друга. Это младший сын, который приехал только в среду.

2

Маргарет пробежала взглядом полученную от сестры записку и через стол, на котором был накрыт завтрак, протянула ее тетушке. На мгновение наступила тишина, а потом, как сквозь открытые шлюзы, хлынул поток тетушкиного красноречия.

— Я ничего не могу вам ответить, тетушка Джули, потому что знаю не больше вашего. Мы познакомились — познакомились только с отцом и матерью семейства — прошлой весной за границей. Мне о них известно совсем немного, и я даже не знала, как зовут их сына. Все это как-то... — Она взмахнула рукой и негромко рассмеялась.

— В таком случае это уж слишком неожиданно.

— Кто знает, тетушка Джули, кто знает.

— Но, Маргарет, дорогая, теперь, когда нам все стало известно, следует проявить здравый смысл. Конечно, все это очень неожиданно.

— Кто знает!

— Но, Маргарет, дорогая...

— Пойду принесу другие письма, — сказала Маргарет. — Нет, сначала закончу завтракать. Хотя писем-то нет. С Уилкоксами мы познакомились, когда отправились из Гейдельберга в ту ужасную поездку в Шпейер. Откуда-то мы с Хелен узнали, что в Шпейере есть великолепный старый собор — архиепископ Шпейерский был одним из семерых, кто в свое время выбрал императора Священной Римской империи — ну, вы помните: Шпейер, Майнц и Кёльн. Эти три епархии когда-то управляли долиной Рейна, и потому ее прозвали «Улицей церковников».

— Мне все-таки очень не по себе из-за этой истории, Маргарет.

— Мы переехали на поезде понтонный мост, и на первый взгляд собор нам понравился. Но через пять минут все стало ясно. Собор был уничтожен, абсолютно уничтожен реставрацией: от старинного здания не осталось ни дюйма. Мы провели там целый день без всякого удовольствия, и, когда ели сэндвичи в общественном парке, познакомились с Уилкоксами. Они,

бедняжки, попались на ту же удочку — даже остановились в шпейерской гостинице. Хелен настойчиво уговаривала их лететь с нами в Гейдельберг, и им эта идея понравилась. Они действительно присоединились к нам на следующий день, и потом мы не раз совершали совместные поездки по окрестностям. Так что они знали нас достаточно, чтобы пригласить Хелен в гости, — меня, надо сказать, тоже пригласили, но из-за болезни Тибби мне пришлось отказаться и в прошлый понедельник Хелен отправилась одна. Вот и все. Теперь вы знаете столько же, сколько и я. Этот молодой человек мне совершенно неизвестен. Хелен должна была вернуться в прошлую субботу, но отложила отъезд до понедельника — быть может, по причине... Не знаю.

Замолчав, Маргарет прислушалась к звукам лондонского утра. Их дом стоял на Уикем-плейс, и в нем было довольно тихо, ибо от главной улицы его отделяло несколько высоких зданий. Здесь появлялось ощущение тихой заводи или, скорее, устья реки, чьи воды вливались в невидимое море, и их шумный бег понемногу замедлялся, пока не наступала глубокая тишина, хотя там, вдали, волны плескались все так же. В этих высоких зданиях располагались апартаменты — дорогие, с просторными вестибюлями, множеством консьержей и пальм, однако благодаря этим зданиям жизнь в более старых домах, стоящих напротив, гораздо спокойнее. Когда-нибудь их тоже снесут, а на их месте вырастут новые, ибо человечество постоянно старается взгромоздиться как можно выше на дорогостоящей лондонской земле.

Миссис Мант истолковала поведение своих племянниц по-своему. Она решила, что Маргарет, пребывая на грани истерики, пустилась в столь долгие описания, единственно чтобы овладеть собой. Полагая,

что ведет себя как истинный дипломат, тетушка Джули высказала сожаление относительно судьбы Шпейера и объявила, что теперь-то она на обман не поддастся и ни за что не поедет в те края, а от себя добавила, что принципы реставрации понимаются в Германии неверно.

— Немцы, — сказала она, — слишком дотошные. Иногда это хорошо, а иногда никуда не годится.

— Вот именно, — подтвердила Маргарет, — немцы слишком дотошные.

И в ее глазах засветилась улыбка.

— Но я, конечно, считаю вас, Шлегелей, англичанами, — поторопилась добавить миссис Мант, — англичанами до мозга костей. — Подавшись вперед, Маргарет погладила ее по руке. — И в связи с этим... вернемся к письму Хелен...

— Ах да, тетушка Джули, я не забыла про письмо Хелен. Я знаю, мне следует туда поехать и с ней увидеться. Я правда об этом думаю. И действительно собираюсь поехать.

— Но поехать, имея определенный план, — сказала миссис Мант, подпустив в свой ласковый голос немного сердитых ноток. — Маргарет, не дай застать себя врасплох, если мне позволено высказать свое мнение. Что ты думаешь об Уилкоксах? Они нашего круга? Это порядочные люди? Могут ли они оценить все достоинства Хелен, которая, на мой взгляд, необыкновенная девушка? Любят ли они Литературу и Искусство? Ведь, если задуматься, это самое важное. Литература и Искусство. Самое важное. Сколько лет может быть их сыну? Она пишет «младший». Достиг ли он возраста, когда можно жениться? Сможет ли он сделать Хелен счастливой? Ты пришла к выводу...

— Я не пришла ни к какому выводу.

Обе женщины заговорили одновременно.

— Стало быть, в данном случае...

— Разве вы не видите, что в данном случае я не могу строить никаких планов.

— Наоборот...

— Ненавижу планы. Ненавижу продумывать линию поведения. Хелен не ребенок.

— Ну, в таком случае, дорогая, зачем же туда ехать?

Маргарет молчала. Если тетушка не понимает, почему Маргарет следует ехать, то сама она ей не скажет. Она не скажет: «Я люблю свою дорогую сестру. И должна быть с нею рядом в этот решающий момент ее жизни». Привязанность — чувство более сдержанное, чем страсть, и проявляется не столь бурно. Если Маргарет сама когда-нибудь влюбится, то станет кричать об этом на всех перекрестках, но поскольку покамест она любит лишь свою сестру, то и говорить об этом она будет тихим голосом сопричастности.

— Я считаю, что вы девушки необычные, — продолжала миссис Мант, — и замечательные. И во многих отношениях даже кажетесь гораздо старше своих лет. Но — ты не обидишься? — честно говоря, ты, по моему, не годишься для такого дела. Здесь требуется человек постарше. Дорогая, у меня нет никакой необходимости возвращаться сейчас в Суонидж. — Она развела в стороны свои пухлые руки. — Я вся в твоём распоряжении. Давай в этот дом, название которого у меня вылетело из головы, я поеду вместо тебя.

— Тетушка Джули! — Маргарет, вскочив, поцеловала ее. — Я должна сама — сама! — отправиться в Говардс-Энд. Вы не совсем понимаете, что произошло, хотя я очень благодарна вам за предложение.

— Я все прекрасно понимаю, — ответила тетушка Джули с непоколебимой уверенностью. — Я поеду без

всякого намерения вмешиваться, но с целью навести необходимые справки. Осведомленность необходима. А теперь я скажу тебе нечто нелицеприятное. Ты будешь вести разговор совсем не так, как должно. В этом нет сомнения. Желая счастья Хелен, ты обидишь всех этих Уилкоксов каким-нибудь необдуманым вопросом — хотя мне-то нет никакого дела до их обид.

— Я не буду задавать вопросы. Хелен собственноручно мне написала, что она и этот юноша любят друг друга. Если все так, то тут не о чем спрашивать. Все остальное не имеет никакого значения. Пусть помолвка будет долгой, но все эти выяснения, вопросы, планы, стратегии — нет, тетушка Джули, нет.

И Маргарет поспешила прочь. Не то чтобы это была красивая или чрезвычайно умная девушка, но в ней было нечто заменявшее оба этих качества, то, что лучше назвать исключительной жизнерадостностью, неизменным искренним откликом на все, что встречалось ей на жизненном пути.

— Если бы Хелен написала мне то же самое о продавце или бедном клерке...

— Дорогая Маргарет, прошу тебя, войди в библиотеку и закрой дверь. Твои милые горничные вытирают пыль с лестничной балюстрады.

— ...или если бы она захотела выйти замуж за человека, который пользуется услугами компании «Картер Патерсон»*, моя реакция была бы точно такой же.

Затем Маргарет, как это за ней водилось, перевела разговор в новое русло, что обычно убеждало тетушку Джули в том, что племянница не такая уж сумасшед-

* Известная в те годы железнодорожная служба доставки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

шая, а людей иного склада — в том, что она вовсе не сухарь теоретик.

— Хотя в случае с «Картером Патерсоном», — проговорила она, — должна признаться, я, пожалуй, настаивала бы на очень длительной помолвке.

— Пожалуй, так, — откликнулась миссис Мант, — но я едва поспеваю за ходом твоих мыслей. Только вообрази, что ты заявила бы Уилкоксам что-нибудь в этом роде. Я-то тебя понимаю, но большинство приличных людей подумают, что ты не в себе. Представь, как это смутит Хелен! Здесь нужен человек, который медленно, не торопясь, займется этим делом, разберется в ситуации и поймет, к чему она может привести.

— Но из ваших слов следует, что помолвку нужно разорвать, — возразила Маргарет.

— Думаю, что, быть может, и нужно, но разрывать ее надо медленно.

— А разве можно помолвку разорвать медленно? — Глаза Маргарет заблестели. — Из чего же она, по-вашему, сделана? Я-то думаю, что она сделана из прочного материала, который, пожалуй, может расколоться, но уж никак не разорваться. Помолвка отличается от прочих уз, которыми связывает нас жизнь. Те растягиваются или сгибаются. Они допускают ту или иную степень прочности. А помолвка — это нечто совсем другое.

— Вот именно. Но не позволишь ли ты мне просто поехать в этот Говардс-Хаус и избавить тебя от неловкости? Я ни в коем случае не стану вмешиваться, но ведь я-то прекрасно понимаю, что вам, девицам Шлегель, нужно, а поэтому мне будет достаточно лишь внимательно оглядеться.

Маргарет снова поблагодарила тетушку, снова поцеловала ее, а потом побежала наверх, к брату.

Чувствовал он себя скверно.

Ночью его сильно беспокоила сенная лихорадка. Голова болела, глаза слезились, а слизистая оболочка, по его словам, была в самом плачевном состоянии. Единственное, что хоть как-то примиряло его с жизнью, была мысль об Уолтере Сэвидже Лэндоре, чьи «Воображаемые беседы» Маргарет обещала ему читать с частыми перерывами в течение дня.

Ситуация сложилась непростая. Нужно что-то делать с Хелен. Ее следует убедить, что в любви с первого взгляда нет ничего преступного. Телеграмма, посланная с этой целью, покажется ей холодной и непонятной, а собственный визит с каждым мгновением представлялся Маргарет все более невозможным. Приехал доктор и сообщил, что Тибби совсем плох. Может быть, и в самом деле лучше принять предложение тетушки Джули и отправить ее в Говардс-Энд с запиской?

Маргарет, без сомнения, была человеком импульсивным. Она часто металась от одного решения к другому. Спускаясь по лестнице в библиотеку, она на бегу прокричала тетушке:

— Хорошо, я передумала! Поезжайте лучше вы!

Поезд отходил от Кингс-Кросс в одиннадцать часов. В половине одиннадцатого Тибби с редким для него смирением уснул, и Маргарет смогла отвезти тетушку на вокзал.

— Не забудьте, тетя Джули, вас не должны вовлечь в обсуждение помолвки. Передайте мое письмо Хелен и скажите то, что подскажут вам чувства, но держитесь подальше от родственников. Мы еле-еле запомнили все их имена, а кроме того, все это нецивилизованно и в корне неверно.

— Нецивилизованно? — переспросила миссис Мант, опасаясь, что от нее ускользнула суть какого-то остроумного замечания.

— О, я высказалась слишком категорично. Мне всего лишь хотелось попросить вас обсудить это дело с одной только Хелен. Пожалуйста!

— С одной только Хелен.

— Потому что...

Но сейчас было не время рассуждать о природе человеческой любви. Даже Маргарет предпочла уклониться от подобного разговора и удовольствовалась тем, что погладила руку доброй тетушки и вообразила себе не совсем осознанно, но в некоем поэтическом духе, путешествие, которое должно было вот-вот начаться на вокзале Кингс-Кросс.

Как и многие люди, изрядно пожившие в огромном столичном городе, Маргарет испытывала особенные чувства к вокзалам, к этим вратам в удивительное и неизведанное. Отсюда мы отправляемся навстречу солнцу и приключениям, и сюда же — увы! — возвращаемся. С Паддингтонского вокзала нас манит лежащий далеко на западе и пока невидимый Корнуолл, бегущая вниз Ливерпуль-стрит сулит нам торфяные болота и широко раскинувшиеся Норфолкские озера, мимо пилонов Юстона мы едем в Шотландию, а сквозь напряженный шум и гам вокзала Ватерлоо — в Уэссекс. Это понимают итальянцы, что естественно. Те неудачники, которые работают официантами в Берлине, называют Ангальтский вокзал Итальянским, ибо именно с него они возвращаются домой. И только те лондонцы, которых отличает скучнейший нрав, не наделяют свои вокзалы каким-нибудь характером и не испытывают по отношению к ним, пусть даже в незначительной степени, чувства любви и страха.

У Маргарет — надеюсь, это не настроит читателя против нее — вокзал Кингс-Кросс всегда вызывал ощущение Бесконечности. В самом его расположении —

немного позади легкого и великолепного вокзала Сент-Панкрас — виделась некая расшифровка материализма жизни. Две большие арки, бесцветные и безразличные, поддерживающие, словно два плеча, уродливые часы, могли служить порталами для увлекательного путешествия без начала и конца, но, возможно, с успешным исходом — исходом, который ни в коем случае не может быть выражен на языке достатка. Если вы сочтете эти рассуждения смешными, то вспомните, что они не принадлежат Маргарет, и позвольте мне поскорее добавить, что у них с тетушкой было еще много времени до поезда; что миссис Мант, хоть и купила билет во второй класс, была препровождена в первый (в поезде было всего два вагона второго класса — для курильщиков и для пассажиров с детьми, но нельзя же ей было, в самом деле, ехать с детьми) и что Маргарет, вернувшись на Уикем-плейс, получила телеграмму следующего содержания:

*Все кончено. Не надо было писать. Никому не говори.
Хелен.*

Но тетушка Джулия уехала — уехала окончательно и бесповоротно, и никакая сила на свете не могла ее остановить.

3

Миссис Мант благодушно проигрывала в уме, как она выполнит возложенную на нее миссию. Племянницы были девушками независимыми, и ей далеко не всегда удавалось им помочь. Дочери Эмили всю жизнь отличались от других девиц. Когда родился Тибби, они

остались без матери; Хелен тогда было пять, а Маргарет — тринадцать. В то время закон, разрешающий жениться на сестре покойной жены, еще не был принят, так что миссис Мант могла, не нарушая приличий, предложить свою помощь по ведению хозяйства в доме на Уикем-плейс. Но ее зять, человек своеобразный и к тому же немец, переадресовал ее предложение Маргарет, которая с присущей юности резкостью ответила отказом, заявив, что они прекрасно справятся сами. Через пять лет умер и мистер Шлегель, после чего тетушка повторила свое предложение. На этот раз Маргарет была очень мила и без всякой резкости выразила тетушке благодарность, но суть ее ответа не изменилась. «Я не должна вмешиваться в третий раз», — думала миссис Мант. Однако у нее это, конечно, не получалось. К своему ужасу, она узнала, что Маргарет, ставшая совершеннолетней, изымает свои вложения из старых надежных компаний и инвестирует их в иностранные фирмы, которые вечно терпят банкротство. Молчать было бы преступлением. Собственные средства миссис Мант были вложены в британские железные дороги, и она с особенной пылкостью умоляла племянницу последовать ее примеру: «Тогда мы с тобой будем вместе, дорогая». Маргарет из вежливости вложила несколько сотен в «Железную дорогу Ноттингема и Дерби», и хотя ее иностранные вложения приносили изрядный доход, а «Ноттингем и Дерби» медленно, но верно, с достоинством, присущим исключительно британским железным дорогам, приходили в упадок, миссис Мант не переставала радоваться и повторять: «В конце концов, мне удалось ее уговорить! Когда грянет банкротство, у бедняжки Маргарет останутся сбережения, на которые можно рассчитывать». В этом году, когда Хелен стала совершеннолетней, с ней произошла точно такая же история: она переместила

свои вклады, отказавшись от государственных ценных бумаг, но, так же как и Маргарет, почти без уговоров, вложила небольшую часть средств в акции «Железной дороги Ноттингема и Дербя». Так что в этом вопросе пока было все в порядке. Однако в светских делах тетушке ничего добиться не удалось. Рано или поздно девицы войдут в тот возраст, когда каким-нибудь неудачным знакомством загубят свою жизнь, и если до сих пор они не спешили с подобными знакомствами, это лишь означало, что в будущем они пустятся во все тяжкие с особенной прытью. Слишком многие посещали их на Уикем-плейс — небритые музыканты, даже одна актриса, немецкие кузены (а мы знаем, что такое иностранцы) и знакомцы из разных европейских отелей (про этих мы тоже все знаем). Такая жизнь была интересной — а в Суонидже никто не ценил культуру более миссис Мант, — но в то же время и опасной, а значит, все предвещало неминуемую катастрофу. Как она была права и какое счастье, что она оказалась рядом в тот самый момент, когда эта катастрофа разразилась! Поезд мчался на север в бессчетных тоннелях. Путь занимал всего час, но миссис Мант приходилось снова и снова поднимать и опускать окно. Она проехала сквозь Южный Уэлуинский тоннель и лишь на мгновение успела увидеть свет, как поезд вошел в печально известный Северный Уэлуинский тоннель. Она проехала по огромному виадуку, аркада которого протянулась по девственным лугам и неторопливо бегущим водам Теуина, обогнула парки, где собирались политики. Иногда рядом с ней появлялось тянувшееся неподалеку Большое северное шоссе, которое еще сильнее наводило на размышления о бесконечности, чем любая железная дорога, и пробуждало в вас — после столетней дремы — ощущение той жизни, что даруется зловонными автомобилями, и ту культуру,

что порождается рекламой противожелчных таблеток. К истории, трагедии, прошлому и будущему миссис Мант оставалась одинаково равнодушной. У нее была одна задача — не забывать о цели своего путешествия и спасти бедняжку Хелен от кошмарного недоразумения.

Чтобы попасть в Говардс-Энд, нужно было выйти в Хилтоне, одном из небольших городков, стоящих друг за дружкой вдоль Северного шоссе и обязанных своими размерами лишь тому обстоятельству, что сквозь них проходит большое количество транспорта. Расположенный неподалеку от Лондона Хилтон не разделял общий упадок сельских районов, и его длинная Хай-стрит разветвлялась вправо и влево, ведя к пригородным усадьбам. На протяжении мили перед невнимательным взором миссис Мант проплывали ряды крытых черепицей или шифером домов, ряды, разорванные лишь в одном месте шестью датскими курганами, — это были могилы воинов, выстроившиеся плечом к плечу вдоль дороги. За ними дома уже стояли теснее, и наконец поезд остановился у железнодорожного узла, который почти можно было назвать городом.

Станция, как и окружающий пейзаж, как и письма Хелен, вызывала смутные ощущения. В какую страну лежит отсюда путь — в Англию или Провинциалию, страну предместий? Станция была новой, здесь имелись островные платформы и подземный переход, а также необходимые деловым людям минимальные удобства. Но ощущалась также и атмосфера местной жизни, личных связей, которую не могла не заметить даже миссис Мант.

— Я ищу дом, — доверительно обратилась она к мальчишке-билетеру. — Он называется Говардс-Лодж. Ты не знаешь, где он?

— Мистер Уилкоккс! — позвал мальчик.

Молодой человек, стоявший перед ними, обернулся.
— Она ищет Говардс-Энд.

Миссис Мант ничего не оставалось делать, как вступить в разговор, даром что она была слишком взволнована, чтобы разглядеть незнакомца. Но, вспомнив, что в семействе Уилкоксов два брата, она посчитала необходимым уточнить:

— Простите мне мой вопрос, но вы — старший или младший Уилкокс?

— Младший. Чем могу быть полезен?

— Ах что вы... — Миссис Мант с трудом сдерживала волнение. — Ну, в самом деле. Так, значит, это вы? Я... — Она отошла от мальчишки и понизила голос: — Я тетка девиц Шлегель. Мне следует представиться, не так ли? Меня зовут миссис Мант.

Она смогла заметить, что он приподнял кепи, и услышала его сдержанный голос:

— Ах да. Миссис Шлегель у нас в гостях. Вы хотели ее видеть?

— Возможно.

— Я вызову кеб. Нет, погодите. Авто... — Он задумался. — Здесь наш автомобиль. Я вас подвезу.

— Очень мило с вашей...

— Ничего. Только вам придется подождать, пока мне принесут посылку. Пойдемте сюда.

— Моя племянница, случайно, не с вами?

— Нет. Я приехал с отцом. Он отправился в северном направлении на вашем поезде. Вы встретитесь с мисс Шлегель за ленчем. Надеюсь, вы останетесь на ленч?

— Я бы осталась, — сказала миссис Мант, которая не желала думать о еде, прежде чем ей удастся лучше изучить возлюбленного Хелен. Он производил впечатление джентльмена, но так ошеломил тетушку, что ее

способность наблюдать притупилась. Украдкой она взглянула на молодого человека. На ее женский взгляд, у него не было никакого изъяна ни в резких складках в уголках губ, ни в строении несколько квадратного лба. Он был смугл, чисто выбрит и, казалось, любил командовать.

— Впереди или сзади? Где вы предпочитаете? Впереди может дуть.

— Впереди, если позволите. Тогда мы сможем поговорить.

— Но, прошу прощения, подождите одну секунду, не могу понять, что они там делают с моей посылкой. — Широким шагом он вошел в контору и позвал совсем другим голосом: — Эй, вы там! Мне что, целый день ждать? Посылка для Уилкокса, Говардс-Энд. Ищите внимательней! — Выйдя, он сказал несколько спокойнее: — Работа на станции организована отвратительно. Моя воля, всех уволил бы. Позвольте вам помочь.

— Очень мило с вашей стороны, — ответила миссис Мант. Она села в роскошное автомобильное нутро из красной кожи и позволила себя укутать пледами и шальями. Она вела себя любезнее, чем намеревалась, но молодой человек был и в самом деле очень славный. Более того, миссис Мант даже слегка его побаивалась: такое самообладание показалось ей исключительным.

— Правда очень мило, — повторила она и добавила: — Другого я и не желала бы.

— Спасибо вам за такие слова, — ответил он с легким недоумением, на которое миссис Мант внимания не обратила, как обычно не обращала внимания на брошенные мимоходом взгляды. — Я как раз подвозил отца к поезду.

— Видите ли, сегодня утром мы получили письмо от Хелен.

Молодой Уилкокс заливал бензин, включал зажигание и совершал другие действия, не имеющие отношения к нашей истории. Большая машина начала колыхаться, и фигура пытавшейся объясниться миссис Мант на мягком красном сиденье принялась раскачиваться в такт этим колыханиям.

— Родительница будет рада вас видеть, — проворкотал он. — Эй, вы там, послушайте! Посылка в Говардс-Энд. Принесите! Эй!

Появился бородатый носильщик с посылкой в одной руке и учетной книгой — в другой. С нарастающим гулом мотора восклицания Уилкокса становились все менее разборчивыми.

— Надо расписаться, да? За каким... я должен подписывать после этой волокиты? У вас и карандаша нет? Имейте в виду, в следующий раз я буду жаловаться начальнику станции. Мое время стоит дорого в отличие, как я вижу, от вашего. Возьмите.

Последнее относилось к чаевым.

— Прошу меня простить, миссис Мант.

— Ну что вы, мистер Уилкокс.

— Вы не против, если я поеду через деревню? Довольно большой крюк, но у меня там есть несколько дел.

— Я с удовольствием проеду по деревне. Само собой разумеется, я хочу кое-что с вами обсудить.

После этой фразы тетушке Джули стало совестно, ибо она пошла наперекор наставлениям Маргарет. Однако, без сомнения, она нарушила только их букву, но не дух. Маргарет просила ее не обсуждать случившееся с другими членами семьи. А потому не было ничего дурного или «нецивилизованного» в том, чтобы обсудить это дело с самим молодым человеком, раз уж судьба свела их вместе.

Скрытный молодой человек ничего не ответил. Усевшись рядом, он надел защитные очки и перчатки, и они покатали по дороге, а бородатый носильщик — жизнь полна странностей — с восхищением глядел им вслед.

По пути от станции ветер дул в лицо, и пыль слепила глаза миссис Мант. Но как только они повернули на Большое северное шоссе, тетушка Джули перешла в наступление.

— Можете себе представить, — заговорила она, — какое мы испытали потрясение, получив эту новость.

— Какую новость?

— Мистер Уилкоккс, — прочувственно произнесла миссис Мант, — Маргарет все мне рассказала — все! Я видела письмо Хелен.

Он не мог посмотреть ей в лицо, поскольку следил за дорогой. Машина мчалась по Хай-стрит на предельно допустимой скорости. Но он склонил голову в сторону своей спутницы и произнес:

— Прошу прощения, но я не совсем понимаю.

— Я говорю о Хелен. О Хелен, о ком же еще? Она редкая девушка. Уверена, вы мне позволите это сказать, если иметь в виду ваше к ней отношение. Все Шлегели — люди редкие. Я приехала без всякого желания вмешиваться, но мы были потрясены.

Автомобиль остановился у суконной лавки. Ничего не говоря, Уилкоккс обернулся и уставился на облако пыли, которое они подняли, проезжая по деревне. Пыль опустилась, но не только на дорогу. Часть ее проникла сквозь открытые окна, часть покрыла белым налетом розы и крыжовник в придорожных садах, а немалое количество осело в легких местных жителей.

— Интересно, когда они сообразят, что дороги следует покрывать гудроном, — прокомментировал Уилкоккс.

В это время выбежавший из лавки человек вручил им рулон клеенки, и они снова тронулись в путь.

— Маргарет не смогла приехать сама из-за бедного Тибби, поэтому я явилась в качестве ее представителя, чтобы обстоятельно обо всем поговорить.

— Простите мою несообразительность, — сказал молодой человек, вновь останавливаясь у какой-то лавки. — Но я все-таки не совсем вас понимаю.

— О Хелен, мистер Уилкокс, о моей племяннице и вас.

Подняв на лоб защитные очки, он посмотрел на нее в полном недоумении. Ужас сковал миссис Мант, ибо она только сейчас начала осознавать, что они друг друга не понимают и что она приступила к своей миссии, совершив какую-то ужасную ошибку.

— Мисс Шлегель и я? — спросил он, сжав губы.

— Надеюсь, не произошло никакого недоразумения, — с дрожью в голосе проговорила миссис Мант. — В своем письме она так и написала.

— Что написала?

— Что вы и она... — Миссис Мант остановилась и опустила глаза.

— Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать, — холодно проговорил он. — Какая чудовищная нелепость!

— Значит, вы никак не... — Она осеклась, покраснела и готова была провалиться сквозь землю.

— Едва ли, поскольку я помолвлен совсем с другой дамой. — Последовала тишина, затем, охнув, он выпалил: — Боже правый! Только не говорите, что Пол выкинул очередной фортель.

— Но ведь Пол — это вы.

— Нет.

— Тогда зачем вы так представились на станции?

— Я вовсе так не представлялся.

— Прошу меня простить, но вы так сказали.

— Прошу меня простить, я так не говорил. Меня зовут Чарлз.

«Младший» может обозначать либо сына по отношению к отцу, либо второго по старшинству брата по отношению к первому. Можно многое сказать по поводу обоих истолкований этого слова, и несколько позже все это было сказано. Но сейчас перед спорившими встали иные проблемы.

— Вы намекаете, что Пол...

Ей не понравился его тон. Он говорил так, словно обращался к носильщику, и уверенная, что на станции он обманом ввел ее в заблуждение, миссис Мант в свою очередь тоже рассердилась.

— Вы намекаете, что Пол и ваша племянница...

Миссис Мант — такова уж человеческая природа — решила, что должна отстоять влюбленных. Она не станет терпеть грубость этого злобного молодого человека.

— Да, они действительно испытывают нежные чувства друг к другу, — заявила она. — И осмелюсь сказать, вскоре расскажут вам об этом. Мы получили сообщение сегодня утром.

Сжав кулак, Чарлз воскликнул:

— Идиот! Идиот! Глупый мальчишка!

Миссис Мант попыталась выбраться из-под пледов.

— Если таково ваше отношение, мистер Уилкоккс, то я лучше пойду пешком.

— Прошу вас этого не делать. Я сейчас же отвезу вас в дом. Но позвольте сообщить вам, что у них ничего не получится и всему этому нужно положить конец.

Миссис Мант редко теряла самообладание — такое случалось лишь в том случае, когда она хотела защитить тех, кого любила.

— Я вполне согласна с вами, сэр! — с горячностью воскликнула она. — Ничего не получится! Я приеду и положу этому конец. Моя племянница — редкая девушка, и я не собираюсь сидеть и смотреть, как она водит знакомства с теми, кто не может ее оценить.

У Чарлза заиграли желваки.

— Учитывая, что она только в среду впервые увидела вашего брата, а с вашими отцом и матерью познакомилась в какой-то случайной гостинице...

— Не могли бы вы говорить тише? Лавочник услышит.

Esprit de class*, если можно так выразиться, был весьма силен в миссис Мант. Дрожа от напряжения, она сидела молча, пока представитель низшего сословия укладывал рядом с рулоном клеенки металлическую воронку, кастрюлю и садовый опрыскиватель.

— На заднем сиденье?

— Да, сэр.

И низшее сословие исчезло в облаке пыли.

— Предупреждаю: у Пола нет ни пенса. Это бесполезно.

— Уверяю вас, мистер Уилкоккс, нет нужды нас предупреждать. Наоборот, это мы должны кое-кого предупредить. Моя племянница вела себя глупо, а посему я устрою ей хороший нагоняй и увезу обратно в Лондон.

— Пол должен отправиться в Нигерию. В ближайшие годы ему нельзя даже думать о женитьбе, но потом следует выбрать женщину, которая сможет выдержать тамошний климат, да и в других отношениях... Почему

* Классовый дух (*фр.*).

он нам ничего не сказал? Конечно, ему стыдно. Понимает, что повел себя как дурак. Дурак он и есть — черт бы его побрал! — Миссис Мант рассвирепела. — А вот мисс Шлегель времени даром не теряла и поспешила обнародовать эту новость.

— Будь я женщиной, мистер Уилкоккс, за ваше последнее замечание я надрала бы вам уши. Вы недостойны даже чистить ботинки моей племянницы, находиться с ней в одной комнате, и вы осмеливаетесь... вы имеете наглость... я отказываюсь разговаривать с таким человеком.

— Я знаю одно — она рассказала, а он нет. К тому же мой отец уехал и я...

— А я знаю...

— Можно мне закончить фразу?

— Нет.

Чарлз сжал зубы и сделал очередной вираж.

Миссис Мант вскрикнула.

Так они продолжили игру под названием «Чья семья лучше», в которую обычно играют, когда любовь должна соединить двух представителей рода человеческого. Но играли они с необычайной страстью, красноречиво доказывая, что Шлегели лучше Уилкоксов, а Уилкоксы — Шлегелей. Приличия были отброшены. Мужчина был молод, женщина оскорблена до глубины души. В характере обоих пробудилась дремавшая до поры до времени способность весьма нелицеприятно отчитать противника. Их перебранка нисколько не отличалась от прочих — в ту минуту она казалась неизбежной, — но впоследствии в нее было трудно поверить. Однако она была не такой пустячной, как обычные ссоры. Через несколько минут все прояснилось. Автомобиль подъехал к Говардс-Энду, и навстречу тетушке выбежала очень бледная Хелен.

— Тетя Джули, я только что получила телеграмму от Маргарет. Я... я хотела вас остановить. Все... все кончено.

Такую развязку миссис Мант выдержать уже не могла. Она разрыдалась.

— Тетушка Джули, дорогая, не надо. Не говорите им, что я так глупо себя вела. Все это пустое. Пожалуйста, держитесь. Ради меня.

— Пол! — закричал Чарлз Уилкоккс, сдергивая перчатки.

— Только не говорите! Они не должны ничего знать!

— О, моя дорогая Хелен...

— Пол! Пол!

Из дома вышел юноша.

— Пол, в этом есть хоть крупица правды?

— Я ничего... Я не...

— Да или нет, приятель? Простой вопрос и простой ответ. Мисс Шлегель...

— Чарлз, дорогой, — послышался голос со стороны сада. — Чарлз, дорогой мой Чарлз, никто не задает простых вопросов. Потому что простых вопросов не бывает.

Все замолчали. Это была миссис Уилкоккс.

Она шла к ним именно так, как описывала в письме Хелен, — медленно и бесшумно проплывая по лужайке и действительно держа в руках пучок скошенной травы. Казалось, она принадлежала не молодым людям с их автомобилем, а дому и дереву, раскинувшему над крышей свои ветви. Было ясно, что миссис Уилкоккс чтит прошлое и что ей передалась естественная мудрость, которую может подарить лишь прошлое, — мудрость, которую мы зовем неловким именем «аристократия». Возможно, она не была знатного рода, но нет сомне-

ния, что почитала своих предков и принимала их помощь. Увидев, что Чарлз зол, Пол испуган, а миссис Мант в слезах, она услышала голос предков: «Разведи этих людей в разные стороны, чтобы они не сделали друг другу больно. С остальным можно и подождать». Поэтому она не задавала вопросов, но и не пыталась сделать вид, что ничего не произошло, как поступила бы многоопытная хозяйка дома. Она просто сказала:

— Мисс Шлегель, не отведете ли вы свою тетушку к себе или ко мне в комнату — туда, где, по-вашему мнению, ей будет лучше. Пол, найди Иви и скажи, что ленч будет в шесть, но я не уверена, что все к нему спустятся.

Когда ее распоряжения были выполнены, она повернулась к старшему сыну, неподвижно стоявшему у трясущейся, отравляющей воздух машины, и ласково улыбнулась, а потом, не сказав ни слова, отвернулась от него и вновь обратилась к своим цветам.

— Мама, — позвал Чарлз. — Ты знаешь, что Пол опять сваял дурака?

— Все в порядке, дорогой. Они разорвали помолвку.

— Помолвку?

— Больше они друг друга не любят, если такое объяснение предпочтительнее, — сказала миссис Уилкоккс, нагнувшись, чтобы понюхать розу.

4

Хелен с тетушкой вернулась на Уикем-плейс в полуморочном состоянии, так что за сравнительно недолгое время на руках у Маргарет оказались сразу три пациента. Миссис Мант вскоре пришла в себя. Она в высшей степени обладала поразительным свойством

переиначивать прошлое, и всего за несколько дней забыла, какую роль — по причине собственной опрометчивости — сыграла в разразившейся катастрофе. В самый критический момент она даже воскликнула: «Слава богу, бедняжка Маргарет от этого избавлена!» — что по дороге в Лондон превратилось в сетование: «Кто-то должен был через это пройти», — что, в свою очередь, приобрело окончательный вид в неоднократно повторенной фразе: «Вот когда я действительно помогла девочкам Эмили, так это в той истории с Уилкоксами». Хелен, однако, оказалась гораздо более серьезной больной. Новые впечатления поразили девушку подобно удару грома.

Дело было в том, что Хелен влюбилась, но не в одного человека, а в семью.

Еще до приезда Пола она была настроена на его волну. Ее завораживала энергия Уилкоксов, в ее отзывчивом сознании появились новые замечательные образы. Быть целый день с ними на открытом воздухе, спать ночью под их крышей казалось ей наивысшим блаженством. Она полностью отказалась от собственного «я», что нередко бывает прелюдией к влюбленности. Хелен нравилось подчиняться мистеру Уилкоксу, Иви, Чарлзу; нравилось, когда ей говорили, что ее представления о жизни несамостоятельны и умозрительны, что равенство — чепуха, избирательное право для женщин — чепуха, социализм — чепуха, Искусство и Литература, кроме тех случаев, когда они способствуют укреплению характера, тоже чепуха. Один за другим фетиши Шлегелей низвергались, и хотя Хелен делала вид, что защищает их, в глубине души она испытывала радость. Когда мистер Уилкоккс сказал, что один разумный предприниматель приносит миру больше пользы, чем дюжина общественных реформаторов, она не охнув проглотила это курьезное утверждение и

с наслаждением откинулась на спинку сиденья в его автомобиле. Когда Чарлз сказал: «Зачем так вежливо обращаться со слугами? Они этого не понимают», — она не ответила ему по-шлегелевски: «Если они не понимают, то я понимаю». Нет, она дала себе обещание в будущем со слугами не миндальничать. «Я вся опутана ханжеством, — подумала она, — и мне будет только полезно, если с меня сорвут эти путы». Все, что она думала или делала, все, чем дышала, оказалось постепенной подготовкой к встрече с Полом. Пол был неизбежен. У Чарлза была другая девушка, мистер Уилкоккс был слишком стар, Иви слишком молода, миссис Уилкоккс слишком необычна. Вокруг отсутствующего брата она стала создавать романтический ореол, озарять его сиянием этих счастливых дней, предчувствуя, что в нем она скорее всего найдет свой идеал полнокровного, земного человека. Иви сказала, что Хелен и Пол примерно одних лет. По общему мнению, Пол был красивее своего брата. Он, несомненно, был и лучшим стрелком, хотя хуже Чарлза играл в гольф. И когда Пол приехал, раскрасневшийся от радостного возбуждения после сдачи экзамена и готовый флиртовать с любой хорошенькой девушкой, Хелен готова была к встрече с ним, ждала его, и в воскресенье вечером уже не могла оторвать от него взгляда.

Пол рассказывал о своем скором изгнании в Нигерию, и ему следовало бы не прерываться и дать гостю время овладеть собой. Но ему льстила ее вздымающаяся грудь. Страсть показалась возможной, и он стал страстным. Что-то в глубине души шептало ему: «Эта девушка позволит тебе ее поцеловать, другого такого шанса может не выпасть».

Вот как «все это произошло», или же, скорее, как Хелен описала случившееся сестре, проявляя куда

меньше сочувствия к этой любви, чем я. Но поэзия поцелуя, его чудо и волшебство, воцарившееся потом в ее жизни на долгие часы, — кто способен их описать? Как легко англичанину насмеяться над подобными случайными встречами двоих! Островной циник, а с ним и островной моралист, в равной мере могут поупражняться здесь в своих критических талантах. Как легко говорить о «минутном чувстве», забыв, каким ярким оно было, прежде чем «миновало»! Наше непроизвольное желание посмеяться над ним и забыть по сути своей верно. Мы осознаем, что одних чувств недостаточно, что мужчины и женщины — это люди, способные на продолжительные отношения, и испытывают не только яркие, словно электрический разряд, вспышки эмоций. И все-таки мы слишком переоцениваем свое желание посмеяться и забыть. А потому и не признаем, что такие банальные встречи могут вдруг распахнуть перед нами райские врата. Как бы то ни было, Хелен не суждено было испытать более глубокого переживания в жизни, чем объятия этого юноши, который сам оказался как будто и ни при чем. Он увлек ее из дома, где было светло и существовала опасность неожиданного вторжения, и повел по знакомой тропинке к огромному шершавому вязу, где они и остановились, прислонившись к похожему на колонну стволу. Скрытый в темноте мужчина прошептал ей: «Я тебя люблю» — как раз тогда, когда Хелен так хотелось любви. Со временем образ стройного юноши стерся из ее памяти, но сцена, возникшая по его воле, осталась с ней навсегда. За все последующие годы, в которые произошло столько разных событий, ей так никогда и не пришлось пережить ничего подобного.

— Понимаю, — сказала Маргарет, — по крайней мере настолько, насколько в таких вещах вообще мож-

но что-то понять. Теперь расскажи, что случилось в понедельник утром.

— Все кончилось в одно мгновение.

— Каким образом, Хелен?

— Я все еще была счастлива, когда одевалась, но когда спускалась по лестнице, начала нервничать, а войдя в столовую, поняла, что ничего хорошего меня не ждет. Там была Иви — не могу объяснить... — она возилась с большим фарфоровым чайником для кипятка, а миссис Уилкоккс читала «Таймс».

— А Пол там был?

— Да. Чарлз говорил с ним об акциях и облигациях, и Пол чего-то боялся.

С помощью незначительных деталей сестры могли многое сказать друг другу. Маргарет увидела в этой сцене притаившийся ужас, и следующая фраза Хелен ее не удивила.

— Знаешь, когда такой человек выглядит испуганным, это очень страшно. Если мы с тобой чего-то боимся, то это в порядке вещей, или если боятся какие-нибудь другие мужчины, например отец. Но чтобы так испугался человек его склада! И когда я увидела, что все остальные такие спокойные, а Пол с ума сходит от страха, что я скажу что-нибудь не то, мне на мгновение почудилось, что все семейство Уилкоксов — обман, этакая стена из газет, автомобилей и гольф-клубов, и что если она рухнет, то за ней я не найду ничего, кроме ужаса и пустоты.

— Я так не думаю. Уилкоксы произвели на меня впечатление людей искренних, особенно миссис Уилкоккс.

— Да и я тоже не думаю. Но Пол с виду был такой сильный. А всякие неожиданности только усугубили ситуацию, и я поняла, что ничего хорошего из этого

не выйдет — никогда. После завтрака, когда остальные пошли тренировать удары, я сказала ему: «Мы просто потеряли голову», — и он сразу повеселел, хотя и ужасно смутился. Стал говорить, что для женитьбы у него нет денег. Но ему было тяжело продолжать, и я прервала его. Тогда он сказал: «Я должен попросить у вас прощения, мисс Шлегель: не понимаю, что на меня нашло вчера вечером». — «И я не знаю, что на меня нашло, — сказала я. — Не будем об этом». Мы расстались, но тут я вспомнила, что накануне написала тебе, и снова испугала Пола. Я попросила его послать за меня телеграмму, потому что он понял, что ты приедешь или что-нибудь в этом роде. Он попытался взять машину, но она понадобилась Чарлзу и мистеру Уилкоксу, чтобы ехать на станцию, и тогда Чарлз сказал, что может послать телеграмму, а мне пришлось сказать, что телеграмма не столь уж важна, потому что и Пол, и Чарлз могли ее прочесть, и хотя я переписывала ее несколько раз, Пол все время говорил, что люди заподозрят неладное. В конце концов, он сам ее отправил, сделав вид, что пошел за патронами, но из-за всех этих проволочек телеграмма попала на почту слишком поздно. Это было самое кошмарное утро. Пол злился на меня все больше и больше, а Иви без конца болтала про крикет, так что я чуть не взвыла. Не понимаю, как я терпела ее столько дней. Наконец Чарлз с отцом отправился на станцию, и я получила твою телеграмму, в которой ты меня предупреждала, что тетушка Джули прибывает этим же поездом, и Пол — о, какой ужас! — сказал, что я все испортила. Но миссис Уилкокс знала.

— Что знала?

— Все. Хотя никто из нас ей ничего не говорил, она, мне кажется, все знала.

— Может быть, она слышала ваш разговор?

— Вероятно. Но это было удивительно. Когда подъехали Чарлз и тетя Джули, ругая друг друга на чем свет стоит, миссис Уилкоккс вышла из сада и сгладила эту ужасную ситуацию. Брр! Как все было отвратительно! Только подумать, что...

Она вздохнула.

— Только подумать, что из-за того, что ты и молодой человек встретились на одно мгновение, понадобились все эти телеграммы и гневные попреки, — подхватила Маргарет.

Хелен кивнула.

— Я часто об этом думала, Хелен. Что может быть интереснее. Все дело в том, что в мире существует совершенно иная жизнь, с которой ни ты, ни я не соприкасаемся, — жизнь, где имеют смысл и телеграммы, и гневные попреки. Личные отношения, которые мы с тобой ставим выше всего, там вовсе не первостепенны. Там любовь означает брачный договор, а смерть — налог на наследство. Покамест мне все ясно. Но тут для меня возникает одна сложность. Эта внешняя жизнь, хотя и, без сомнения, отвратительная, зачастую представляется настоящей — в ней есть твердость. Она в самом деле воспитывает характер. Не ведет ли наша абсолютизация личных отношений, в конце концов, к безалаберности?

— Ах, Мег, именно это я и чувствовала, только не столь отчетливо, когда мне казалось, что Уилкоксы все на свете знают и держат в руках весь мир.

— А теперь ты разве так не чувствуешь?

— Я помню Пола за завтраком, — тихо сказала Хелен. — Никогда этого не забуду. Ему не на что было опереться. Я уверена, что личные отношения и есть настоящая жизнь, и так будет всегда.

— Аминь.

И эпизод с Уилкоксами ушел в прошлое, оставив после себя воспоминания о сладости, смешанной с ужасом, и сестры продолжали жить той жизнью, которая привлекала Хелен. Они вели разговоры между собой и с другими людьми; в высокий узкий дом на Уикем-плейс приглашались те, кто им нравился или с кем они могли подружиться. Они даже посещали общественные собрания. По-своему интересовались политикой, но не так, как хотелось бы политикам. Они желали, чтобы общественная жизнь отражала все то хорошее, что есть в нашей внутренней жизни. Призывы к умеренности, терпимости и равенству полов были им понятны, но вместе с тем они не следили с должным вниманием за нашей наступательной политикой в Тибете и иногда удивленным, хоть и уважительным вздохом отмахивались разом от всей Британской империи. Не с такими, как они, история устраивает свои представления: мир был бы серым бескровным местом, если бы состоял лишь из девиц Шлегель. Но в том мире, каков он есть, эти девушки сияют словно звезды.

Несколько слов об их происхождении. Они не были «англичанками до мозга костей», как убежденно утверждала их тетушка. Но, с другой стороны, они не были и «кошмарными немками». Отец девушек принадлежал к типу, который был особенно распространен в Германии полвека назад. Он не был ни агрессивным немцем, столь милым сердцу английских журналистов, ни немцем-хозяином, импонировавшим английскому здравому смыслу. Если пытаться определить этот тип, то скорее его можно было бы назвать соотечественником Гегеля и Канта, склонным к мечтательности идеалистом, чей империализм был империализмом воздушных замков. Не то чтобы его жизни не хватало действия. Он отчаянно сражался в войне против Дании, Австрии и Фран-

ции, но сражался, не видя результатов победы. Истина мелькнула перед ним после битвы при Седане, когда он заметил, как поседели крашенные усы Наполеона III, и потом, когда вошел в Париж и взглянул на выбитые окна Тюильри. Наступил мир — мир для огромной страны, превратившейся в империю, — но Шлегель знал, что для него эта страна потеряла некое свойство, которое не может компенсировать даже Эльзас-Лотарингия. Германия как коммерческая держава, Германия как морская держава, Германия с колониями здесь, захватнической политикой там и законными притязаниями где-то еще могла нравиться другим и получать от них все, что нужно. Что же касается его лично, то он отказался от плодов победы и зажил в Англии, приняв британское подданство. Наиболее ревностные патриоты из членов семьи Шлегель не смогли простить его и не сомневались, что рожденные им дети никогда не станут немцами до мозга костей, хотя и вряд ли вырастут кошмарными англичанами. Шлегель получил работу в одном из наших провинциальных университетов и там женился на бедняжке Эмили (или, как уместно было бы сказать, *Die Engländerin**), а поскольку у нее были деньги, они переехали в Лондон и завели широкий круг знакомств. Но взгляд Шлегеля всегда был направлен за море. Он надеялся, что скрывающие отечество облака материализма со временем рассеются и вдали вновь забрезжит интеллектуальный свет. «Вы хотите сказать, что мы, немцы, глупы, дядюшка Эрнст?» — восклицал его крупный и надменный племянник. На что дядюшка Эрнст отвечал: «По-моему, да. Вы понимаете, что значит «интеллект», но с некоторых пор не имеете в нем надобности. Вот это я и зову глупостью». Поскольку надменный племянник

* Англичанке (нем.).

не понял его мысль, он продолжал: «У вас есть надобность только в тех вещах, которым можно найти применение, и поэтому вы составили следующую иерархию: деньги — сверхполезны; интеллект — весьма полезен; воображение — абсолютно бесполезно. Нет, — ибо в этом месте племянник принялся возражать, — ваш пангерманизм так же мало принадлежит сфере воображения, как и здешний империализм. Это желание вульгарного ума восхититься чем-нибудь огромным, полагать, что тысяча квадратных миль в тысячу раз прекраснее, чем одна квадратная миля, а уж миллион квадратных миль почти равносителен раю небесному. Это не воображение. Нет, это как раз то, что убивает воображение. Когда английские поэты пытаются воспеть нечто огромное, они тут же умирают, и это естественно. Ваши поэты тоже умирают вкупе с вашими философами и вашими музыкантами — теми, кого слушала вся Европа последние два столетия. Они исчезли. Исчезли вместе с небольшими королевскими дворами, которые их вскормили, — исчезли вместе с Эстерхази и Веймаром. Что? Что такое? Ваши университеты? О да, у вас есть ученые мужи, которые собирают больше фактов, чем ученые мужи Англии. Они собирают факты, еще раз факты, целые империи фактов. Но кто из них вновь зажжет внутренний свет?»

Все это Маргарет слушала, сидя на коленях надменного племянника.

Для маленькой девочки такое образование было уникальным. Надменный племянник однажды приехал на Уикем-плейс вместе с еще более надменной супругой — оба они не сомневались, что сам Господь назначил Германию управлять миром. А на следующий день явилась тетушка Джули, полная уверенности, что на ту же должность той же властью назначена Великобритания.

Были ли обе стороны, убежденные в своей правоте, действительно правы? Однажды им довелось встретиться, и Маргарет, сжав руки, умоляла их немедленно обсудить этот вопрос. Но они, покраснев, сразу же начали говорить о погоде. «Папа! — воскликнул невоспитанный ребенок. — Почему они не хотят обсудить такой простой вопрос?» Отец, оглядев обе стороны, мрачно ответил, что не имеет ни малейшего представления. Тогда, склонив голову набок, Маргарет заметила: «Мне совершенно ясно, что либо Господь не знает, что делать с Англией и Германией, либо эти две страны не знают, что решил с ними сделать Господь». Какая вредная девчонка! Но в тринадцать лет она разрешила дилемму, которую большинство людей не способны даже осознать в течение всей своей жизни. Ее разум мог охватить самые разные предметы, он стал гибким и сильным. Она пришла к заключению, что отдельный человек находится ближе к духовному началу, чем любая организация, и с этих позиций уже не отступала.

Хелен развивалась по тому же пути, что и Маргарет, хотя легкомыслия в ней было больше. По характеру она напоминала сестру, но была красивее, а потому ее жизнь складывалась веселее. Вокруг Хелен люди собирались охотнее, особенно новые знакомые; ей нравилось, когда ей оказывали знаки внимания. После смерти отца, когда сестры стали сами вести хозяйство на Уикем-плейс, Хелен часто увлекала за собой всю компанию, а Маргарет — хотя тоже любила порассуждать — оставалась в одиночестве. Но никто по этому поводу не расстраивался. Хелен впоследствии не просила прощения, а Маргарет не чувствовала ни малейшей обиды. Однако внешность все же влияет на характер. В детстве обе сестры вели себя одинаково, но ко времени истории с Уилкоксами их манеры стали несколько различны.

Младшая была склонна привлекать к себе людей и, привлекая их, сама подпадала под чье-нибудь обаяние. Старшая же всегда шла напрямик, принимая возможную неудачу как неотъемлемую часть игры.

Несколько слов следует сказать и о Тибби. В ту пору это был умный молодой человек шестнадцати лет, но мрачный и капризный.

5

Считается, что Пятая симфония Бетховена являет собою самые возвышенные звуки, когда-либо ласкавшие человеческий слух. Она приносит удовольствие самым разным людям, будь то: миссис Мант, которая начинает украдкой постукивать пальцами, стоит ей слышать тему, — разумеется, не беспокоя других; или Хелен, которая в хлынувшей музыке видит героев и кораблекрушения; или Маргарет, которая чувствует одну лишь музыку; или Тибби, который глубоко погружен в изучение контрапункта и держит на коленях открытые ноты; или их кузина фрейлейн Мозебах, которая ни на минуту не забывает, что Бетховен *echt Deutsch**; или молодой человек фрейлейн Мозебах, который никогда не забывает о фрейлейн Мозебах, — в любом случае ваша жизнь наполняется страстным волнением, и вы вынуждены признать, что два шиллинга — это совсем небольшая плата за такие звуки. Это дешево, даже если вы слушаете симфонию в Куинс-Холле, самом унылом концертном зале Лондона, хотя и не таком унылом, как Фри-Трейд-Холл в Манчестере; и даже если вы сидите на самых крайних местах левой стороны и мед-

* Истинный немец (*нем.*).

ные духовые выскакивают на вас, опережая остальной оркестр, это все равно дешево.

— С кем это беседует Маргарет? — спросила миссис Мант после первой части. Она вновь приехала в Лондон и навещала племянниц на Уикем-плейс.

Хелен посмотрела в конец длинного ряда и сказала, что не знает.

— Может, тот молодой человек вызывает у нее интерес?

— Наверное, — ответила Хелен.

Ее так захватила музыка, что она не могла сообразить, чем молодые люди, которые вызывают интерес, отличаются от просто знакомых молодых людей.

— Вы удивительные девушки, вы всегда... О боже, сейчас нельзя разговаривать.

Началось анданте — прекрасное, но имеющее фамильное сходство с другими прекрасными анданте Бетховена и, по мнению Хелен, разъединяющее героев и кораблекрушения первой части с героями и гоблинами — третьей. Она один раз прослушала тему, а потом ее внимание рассеялось, и она стала рассматривать публику, орган, архитектуру здания. Ей крайне не понравились обрамлявшие потолок Куинс-Холла тощие амурсы, которые безжизненно склонялись друг к другу в желтоватых панталонах, освещенных октябрьским солнцем. «Как ужасно было бы выйти замуж за человека, похожего на такого амурса!» — подумала Хелен. В этот момент Бетховен принялся украшать свою мелодию, и девушка снова заслушалась, а потом улыбнулась кухне Фриде. Но Фрида, внимая классической музыке, ни в коем случае не могла ответить улыбкой на улыбку. Герр Лисеке тоже выглядел так, словно его не в силах был бы отвлечь даже табун диких лошадей. По его лбу пролегли морщины, рот полуоткрылся, стекла пенсне

торчали под прямым углом к носу, пухлые белые руки лежали на коленях. А рядом сидела тетушка Джули, типичная англичанка, которая еле сдерживалась, чтобы не постучать пальцами в такт. Какие удивительные люди заполнили ряд! Какие разнообразные обстоятельства повлияли на их характер! Но вот Бетховен после гудения и бормотания, прозвучавших с величайшей нежностью, сказал: «Хей-хо», — и анданте закончилось. Аплодисменты, крики «Wunderschöning!»*, «Pracht!»**, залпом грянувшие с тех мест, где сидели немцы. Маргарет заговорила со своим новым молодым человеком, а Хелен сказала тетушке: «Сейчас будет потрясающая часть: сначала гоблины, а потом трио танцующих слонов». Тибби же умолял все общество обратить внимание на пассаж, подводящий к барабану.

— К чему, дорогой?

— К *барабану*, тетушка Джули.

— Нет, лучше обратите внимание на ту часть, когда кажется, что с гоблинами покончили, а они возвращаются, — прошептала Хелен, и тут зазвучала музыка — один гоблин тихонько шел, пересекая вселенную из конца в конец. За ним следовали другие. Они ни на кого не нападали, но именно это делало их в глазах Хелен особенно страшными. Гоблины лишь отмечали про себя мимоходом, что в мире нет ни сверкающего великолепия, ни героизма. После интерлюдии с танцующими слонами гоблины вернулись и сделали такое же наблюдение во второй раз. Хелен было нечего им возразить, ибо сейчас она чувствовала то же самое и видела, как рушатся надежные стены юности. Ужас и пустота! Гоблины были правы.

* Удивительно! (нем.)

** Великолепно! (нем.)

Ее брат поднял палец: звучал пассаж, подводящий к барабану.

Ибо Бетховен — словно дело зашло слишком далеко — схватил гоблинов и заставил выполнять его волю. Он появился сам. Бетховен слегка подтолкнул этих чудищ, и они стали двигаться в мажорной тональности, а не в минорной, как раньше, а потом дунул — и гоблины рассеялись! Вспышки сверкающего великолепия, боги и полубоги, сражающиеся огромными мечами, яркие краски и запахи, разлетевшиеся по полю боя, великолепная победа, великолепная смерть! О, что за картина развернулась перед девушкой, и она даже протянула вперед руки в перчатках, как будто хотела ее потрогать. Любая судьба здесь казалась титанической, любое противостояние — желанным: и победителю, и побежденному равно будут рукоплескать ангелы далеких звезд.

А гоблины — были ли они вообще? Может, это всего лишь фантомы трусости и неверия? Может, их рассеет один здоровый человеческий порыв? Люди, подобные Уилкоксам или президенту Рузвельту, скажут, что да. Но Бетховену виднее. Гоблины-то были. Они могли вернуться — и они вернулись. Словно сверкающее великолепие жизни выкипело и перелилось через край, став пеной и паром. В его распаде слышалась страшная, зловещая нота, и гоблин с еще большей злобой тихо проществовал по вселенной из конца в конец. Ужас и пустота! Ужас и пустота! Даже пламенеющие бастионы мира и те могут пасть!

Однако Бетховен все же решил сочинить счастливый конец. Он отстроил бастионы. Он вновь дунул, и гоблины вновь рассеялись. Он вернул вспышки сверкающего великолепия, героизма, юности, величия жизни и смерти, и среди мощного грохота сверхчеловеческой радости привел свою Пятую симфонию к завершению. Но гоблины там были. И они могли вернуться. В свое

время Бетховен не побоялся сказать об этом, а значит, ему можно верить, когда он говорит и о чем-то другом.

Во время аплодисментов Хелен пробралась к выходу. Ей очень хотелось побыть одной. В музыке для девушки сосредоточилось все, что случилось или могло случиться на ее жизненном пути. Она прочитывала музыку как реальное свидетельство, которым нельзя пренебречь. Ноты обозначали конкретные вещи, и иных смыслов они не имели, как не имела иных смыслов и сама жизнь. Хелен выскочила из здания, медленно пошла по наружной лестнице, вдыхая осенний воздух, и повернула домой.

— Маргарет, — спросила миссис Мант, — Хелен хорошо себя чувствует?

— О да.

— Она всегда уходит в середине концерта, — вставил Тибби.

— Очевидно, ее глубоко тронула музыка, — сказала фрейлейн Мозебах.

— Простите, — вступил в разговор молодой человек, который сидел с Маргарет и уже некоторое время обдумывал свою фразу, — но эта дама нечаянно взяла мой зонтик.

— О господи! Что вы говорите! Тибби, скорее догони Хелен.

— Если я за ней побегу, то пропущу «Четыре серьезные песни»*.

— Тибби, душа моя, ты должен ее догнать.

— Это не столь существенно, — сказал молодой человек, хотя в действительности он был весьма обеспокоен утратой зонтика.

* Цикл Иоганнеса Брамса. Полное название «Четыре серьезные песни на тексты из Библии».

— Нет, существенно. Тибби! Тибби!

Встав, Тибби намеренно зацепился за спинки кресел. К тому моменту, когда он поднял свое откидное кресло, нашел шляпу и аккуратно сложил ноты, бежать за Хелен было уже «слишком поздно». Оркестр начал играть «Четыре серьезные песни», и пройти по залу он не мог.

— Моя сестра такая рассеянная, — прошептала Маргарет.

— Все нет, — ответил молодой человек, но голос его прозвучал с ледяной холодностью.

— Если бы вы могли дать мне свой адрес...

— Нет-нет, не нужно.

И молодой человек натянул на колени полы пальто.

«Четыре серьезные песни» прошли для Маргарет почти незамеченными, ибо, несмотря на все свои жалобы и ворчание, Брамс никогда не знал, что значит попасть под подозрение в краже зонтика. Ведь этот глупый молодой человек думает, что она, Хелен и Тибби решили воспользоваться его доверчивостью, и если он даст им свой адрес, то они ворвутся к нему посреди ночи и украдут в придачу еще и трость. Другие дамы просто посмеялись бы, но Маргарет и в самом деле было не по себе, ибо ей приоткрылась жизнь человека с весьма скромным достатком. Доверять другим — роскошь, которую могут себе позволить лишь богачи; беднякам она не по карману. И как только закончилось ворчание Брамса, Маргарет протянула молодому человеку свою визитную карточку со словами:

— Вот наш адрес. Вы можете зайти за зонтиком после концерта, но мне не хотелось бы утруждать вас: ведь это целиком наша вина.

Его лицо заметно просветлело, когда он увидел, что Уикем-плейс находится в фешенебельном Уэст-

Энде. Грустно было видеть, как молодого человека снедают подозрения, но при этом он боится показаться невежливым, ибо его хорошо одетые соседи могут в конечном счете оказаться порядочными людьми. Маргарет показалось добрым знаком, что ее сосед наконец сказал:

— Хорошая сегодня программа, не так ли?

С этой фразы он начал свой разговор с Маргарет еще до того, как все спуталось из-за зонтика.

— Бетховен хорош, — ответила Маргарет, которая не относилась к женщинам, склонным со всем соглашаться. — Но эти песни Брамса я не люблю, да и Мендельсона, которого исполняли вначале, тоже, и — брр! — терпеть не могу Элгара, который нам еще предстоит.

— Что-что? — вмешался герр Лисеке, услышав ее слова. — «Торжественные и церемониальные марши» вовсе не так уж прекрасны?

— Ах, Маргарет, какая же ты противная! — воскликнула тетушка Джули. — Я тут убеждаю герра Лисеке остаться на марши, а ты сводишь на нет все мои старания. Мне так хочется, чтобы он узнал, каков *наш* вклад в музыку. Ты не должна приуменьшать значение наших, английских, композиторов, Маргарет.

— Что касается меня, то я слышала эту вещь в Штеттине, — сказала фрейлейн Мозебах. — Дважды. Пожалуй, слишком драматично.

— Фрида, ты презираешь английскую музыку. Даже не спорь! И английское искусство. И английскую литературу, кроме Шекспира. А Шекспир, по-твоему, немец. Ну и очень хорошо, Фрида, ты можешь уйти.

Возлюбленные рассмеялись и переглянулись, а потом не сговариваясь дружно поднялись и сбежали с «Торжественных и церемониальных маршей».

— Нам надобно еще нанести визит на Финсбери-серкус, — сказал герр Лисеке, пробираясь к проходу мимо миссис Мант. Оркестр заиграл Элгара.

— Маргарет... — послышался громкий шепот тетушки Джули. — Маргарет, Маргарет! Фрейлейн Мозебах оставила на кресле свою очаровательную сумочку.

И действительно, на сиденье лежал Фридин риди-кюль, а в нем записная книжка, карманный словарь, карта Лондона и деньги.

— Ну вы подумайте! Что мы за семья такая! Фр... Фрида!

— Тише! — прошипели те, кому нравилась музыка.

— Но там записан номер дома на Финсбери-серкус.

— Может быть, я могу, если мне позволят... — проговорил недоверчивый молодой человек, покраснев до корней волос.

— О, я буду вам очень признательна.

Он взял сумочку, в которой зазвенели монеты, и проскользнул по проходу. Он едва успел поймать сбегавших влюбленных у двери и получил милую улыбку от молодой немки и вежливый поклон от ее кавалера. На свое место молодой человек вернулся, примиренный с жизнью. В оказанном ему доверии не было ничего необычного, но он чувствовал, что его собственное недоверие к этим людям исчезает и что, возможно, с зонтиком его не надуют. Этого молодого человека уже не раз надували — жестоко, даже, пожалуй, слишком жестоко, — и теперь все его силы были направлены на то, чтобы защитить себя от неизвестности. Но сегодня — быть может, из-за музыки — он чувствовал, что иногда можно и расслабиться, иначе что же остается хорошего в жизни? Уикем-плейс в Уэст-Энде, хоть дело это все равно было рискованное, считался довольно безопасным местом, так что попытаться стоило.

Поэтому, когда концерт закончился и Маргарет сказала: «Мы живем неподалеку, и я как раз иду домой. Не пойдете ли и вы с нами, чтобы забрать зонтик?» — он миролюбиво ответил: «Спасибо», — и последовал за ней из Куинс-Холла. Маргарет хотелось бы, чтобы он проявлял меньше рвения, помогая даме спускаться по лестнице или неся за нее программку — люди его класса своими манерами мало чем отличались от представителей ее собственного, что ее крайне раздражало, — но в целом она сочла молодого человека интересным (в то время кто угодно мог заинтересовать девиц Шлегель «в целом») и пока ее губы произносили подходящие случаю банальности, сердце планировало пригласить его на чай.

— Как устаешь после музыки! — начала она.

— Не находите ли вы, что атмосфера в Куинс-Холле подавляет?

— Да, ужасно.

— Но, несомненно, атмосфера в «Ковент-Гардене» подавляет еще больше.

— Вы часто туда ходите?

— Если позволяет работа, я обычно беру места в «Королевскую оперу» где-нибудь на галерке.

Хелен на месте Маргарет воскликнула бы: «И я тоже! Обожаю галерку!» — и таким образом сразу расположила бы к себе молодого человека. Хелен это умела. Но Маргарет испытывала почти патологический страх перед тем, чтобы «притягивать» к себе людей и чтобы «заставлять мир вертеться». Да, она бывала на галерке в «Ковент-Гардене», но «обычно» предпочитала более дорогие места и уж тем более вовсе не «обожала» галерку. Поэтому она ничего не ответила.

— В этом году я три раза был на «Фаусте», «Тоске» и...

«Как там она называется: «Тангейзер» или «Тангойзер»? Лучше не рисковать».

Маргарет не нравилась ни «Тоска», ни «Фауст». Поэтому так получилось, что молодые люди шли молча, сопровождаемые голосом миссис Мант, начинавшей досадовать на своего племянника.

— Да, я в общем помню этот пассаж, Тибби, но когда все инструменты звучат так прекрасно, трудно выделить какой-то один. Не сомневаюсь, что вы с Хелен всегда приглашаете меня на самые лучшие концерты. Ни единой скучной ноты от начала и до конца. Жаль только, что наши немецкие друзья не дождались окончания.

— Но вы же не могли забыть размеренный ритм барабана на нижнем «до», тетушка Джули! — послышался голос Тибби. — Это невозможно. Его ни с чем не спутаешь.

— Такая очень громкая часть? — отважилась предположить миссис Мант. — Я, конечно, не особенный знаток музыки, — добавила она, поскольку выстрел пришелся мимо цели. — Я всего лишь люблю музыку — это совсем другое. Но, так или иначе, я могу про себя сказать, что твердо знаю, когда мне она нравится, а когда не нравится. Некоторые так же воспринимают картины. Они приходят в галерею — у мисс Кондер, к примеру, это хорошо получается — и сразу же, проходя вдоль стен, говорят, что чувствуют. Я так никогда не смогла бы. Но, по-моему, музыка и картины — вещи разные. Когда речь заходит о музыке, я прекрасно разбираюсь в своих чувствах, и уверяю тебя, Тибби, мне, несомненно, все доставило большое удовольствие. Однажды играли какое-то сочинение — что-то про фавна на французском, — от которого Хелен пришла в экстаз, однако мне оно показалось совсем неглубо-

ким брэнчанием, о чем я и сказала. И от своего мнения не отступила.

— Вы согласны? — спросила Маргарет своего спутника. — Вы тоже считаете, что музыка отлична от живописи?

— Вроде бы да... наверное.

— И я так думаю. А вот моя сестра утверждает, что это одно и то же. Мы много спорим на эту тему. Она говорит, что я непробиваемая, а я обвиняю ее в непоследовательности. — Затронув волновавшую ее тему, Маргарет воскликнула: — Ну не абсурдно ли? Какой *толк* в искусствах, если они взаимозаменяемы? Какой *толк* в слухе, если он говорит вам то же, что и зрение? Хелен очень хочется перевести мелодии на язык живописи, а картины — на язык музыки. Весьма изобретательно. К тому же по ходу дела она говорит довольно интересные вещи, но к чему мы, в конце концов, придем, хотелось бы знать. Все это ерунда, абсолютно ложная теория. Если Моне на самом деле Дебюсси, а Дебюсси — Моне, то ни тот ни другой ничего не стоят. Вот мое мнение.

Сестрам, очевидно, случилось ссориться.

— Возьмем хоть эту сегодняшнюю симфонию — она ни за что не оставит ее в покое. От начала и до конца приписывает ей какие-то смыслы, превращая таким образом в литературу. Интересно, наступит ли когда-нибудь день, когда музыка будет восприниматься как музыка? Хотя не знаю. Вон за нами идет мой брат. Он-то воспринимает музыку как музыку, но, бог мой, из-за него я злюсь еще больше, просто впадаю в ярость! С ним даже спорить невозможно.

Несчастливая семья, хотя и талантливая.

— Но, конечно, главный злодей — Вагнер. Ни один человек в девятнадцатом веке так не постарался, чтобы

перепутать все искусства. Я чувствую, что состояние музыки сейчас очень серьезное, хотя и необычайно интересное. Время от времени в истории появляются такие ужасные гении, как Вагнер, и баламутят все источники мысли сразу. На какое-то мгновение это выглядит великолепно. Небывалый всплеск. Однако после него остается столько грязи, а что до источников, то они теперь стали слишком легко сообщаться друг с другом и ни один уже не будет совершенно чистым. Вот что сделал Вагнер.

Речи Маргарет отлетали от молодого человека словно птички. Если бы он мог говорить, как она, мир лежал бы у его ног. О, так впитать культуру! О, так верно произносить иностранные фамилии! О, обладать такими познаниями и так свободно беседовать на любую тему! Но на это уйдет не один год. А у него есть только час в обед и несколько часов вечером, да и то урывками — как ему тягаться с праздными женщинами, с детства успевшими перечитать горы книг! Возможно, и у него в голове тоже застряли разные имена, возможно, он даже слышал о Моне и Дебюсси, но проблема в том, что он не может вплести их в предложение, не может заставить эти имена «заговорить», не может вполне забыть о похищенном зонтике. Да, зонтик его по-настоящему беспокоил. За спинами Моне и Дебюсси постоянно маячил зонтик, словно настойчивые удары барабана. «Надеюсь, с зонтиком все будет в порядке, — думал он. — Вообще-то я не волнуюсь. Лучше буду думать о музыке. Надеюсь, с зонтиком все будет в порядке». До этого он беспокоился о билете. Правильно ли он сделал, что отдал за него целых два шиллинга? А еще раньше спрашивал себя: «Может, попробую обойтись без программки?» Сколько он себя помнил, ему все время приходилось о

чем-нибудь беспокоиться, что-то все время отвлекало его от наслаждения прекрасным. А он действительно хотел наслаждаться прекрасным, поэтому речи Маргарет и отлетали от него словно птички.

А Маргарет все говорила, лишь изредка вставляя: «Не так ли? Вы тоже так думаете?» — пока наконец не остановилась со словами: «Ну хоть разок прервите меня!» — отчего молодой человек перепугался не на шутку. Маргарет не казалась ему привлекательной, однако внушала благоговейный трепет. Она была худая, с большими глазами и зубами, о сестре и брате говорила с неодобрением. Несмотря на свой ум и образованность, она, наверное, была одной из тех бездушных женщин-атеисток, которых так хорошо изображает мисс Корелли*. Ему было бы странно (и тревожно) вдруг услышать от нее: «Надеюсь, вы зайдете и выпьете чашечку чаю».

— Надеюсь, вы зайдете и выпьете чашечку чаю. Мы будем очень рады. Я так далеко вас утщила.

Они пришли на Уикем-плейс. Солнце закатилось, и их «заводь», покрытая густой тенью, наполнялась легким туманом. С правой стороны фантастические очертания доходных домов поднимались, словно черные башни, на фоне вечерних отсветов города. С левой возвышались более старые здания, образуя неровный парапет из прямоугольников на сером фоне. Маргарет искала ключ. Конечно, он был оставлен дома. Поэтому, схватив зонтик за наконечник, она наклонилась вперед и постучала в окно столовой.

— Хелен, открой нам!

— Хорошо, — отозвался голос.

* Корелли, Мари (1855–1924) — автор чувственных мелодраматических романов.

— Ты унесла зонтик этого джентльмена.

— Что унесла? — переспросила Хелен, открывая дверь. — О чем это ты? Ах, заходите, пожалуйста! Здравствуйте.

— Нельзя быть такой рассеянной, Хелен. Ты унесла зонтик этого джентльмена из Куинс-Холла. И ему пришлось за ним прийти.

— Ах, простите! — воскликнула Хелен. Ее волосы были рассыпаны по плечам. Вернувшись, она сразу же сняла шляпку и уселась в большое кресло в столовой. — Я только и делаю, что краду зонтики. Простите, простите меня! Заходите и выбирайте. У вас простенький или шикарный? У меня — шикарный. Во всяком случае, я так думаю.

Зажегся свет, и все начали искать зонтик в холле. Хелен, которая столь неожиданно рассталась с Пятой симфонией, то и дело сопровождала поиски громкими восклицаниями:

— Не тебе говорить, Мег! Ты украла у старого джентльмена шелковый цилиндр. Да, украла, тетя Джули. Это всем известно. Она решила, что это муфта. Боже правый! Я смешала визитные карточки. Где Фрида? Тибби, почему ты никогда... Ну вот, я забыла, что хотела сказать. Впрочем, не важно. Скажи прислуге, чтобы скорее подали чай. А как вам этот зонтик? — Хелен открыла зонт. — Нет, этот весь протерся по швам. Ужасный зонтик. Должно быть, мой.

Но она ошибалась.

Молодой человек взял зонтик, пробормотал слова благодарности и поспешил прочь семенящей походкой клерка.

— Может быть, останетесь... — позвала Маргарет. — Хелен, до чего же ты глупая!

— А что я такого сделала?

— Разве не видишь, что ты его испугала? Я хотела предложить ему чаю. Зачем тебе понадобилось говорить о кражах и дырах в зонтике: я видела, какими печальными сделались его славные глаза. Нет, теперь уж ничего не поделаешь.

В этот момент Хелен выскочила на улицу с криками: «Постойте! Постойте!»

— Должна сказать, что это даже и к лучшему, — высказалась миссис Мант. — О молодом человеке нам ничего не известно, Маргарет, а в твоей гостиной полно очень соблазнительных безделушек.

— Тетушка Джули! — воскликнула Хелен. — Как вы можете! Мне так стыдно, так стыдно! Уж лучше бы он действительно был вором и украл все серебряные ложки с апостолами*, чем я... Ну ладно, пора закрыть входную дверь. Очередной ляпсус Хелен.

— Да, я думаю, апостольские ложки могли бы стать «рентой», — сказала Маргарет и, увидев, что тетушка не понимает, добавила: — Помните, что такое «рента»? Одно из папиных словечек — рента идеалу, его собственной вере в человеческую природу. Помните, как он доверял незнакомым людям, а если те его обманывали, говорил, что «лучше быть обманутым, чем недоверчивым», что злоупотребление доверием — дело рук человека, а недостаток доверия — дело рук дьявола?

— Да, сейчас я вспомнила что-то в этом роде, — довольно язвительным тоном ответила миссис Мант, ибо ей очень хотелось добавить: «Большая удача, что ваш отец женился на состоятельной женщине». Но такие слова были бы слишком жестоки, и она довольствова-

* Набор из 13 серебряных ложек; двенадцать — с изображениями апостолов и одна с изображением Иисуса Христа.

лась тем, что сказала: — Но ведь молодой человек мог украсть и маленького Рикеттса!*

— Ну и пусть, — упрямо проговорила Хелен.

— Нет, тут я согласна с тетушкой Джули, — сказала Маргарет. — Лучше я не буду доверять людям, чем потеряю своего маленького Рикеттса. Всему есть предел.

Их братец, сочтя произошедшее событием тривиальным, потихоньку поднялся наверх посмотреть, есть ли булочки к чаю. Подогрел заварочный чайник — даже слишком проворно, — отверг индийский чай, который достала горничная, засыпал пять чайных ложек чая лучшей марки, залил его крутым кипятком и позвал дам, прося поторопиться, потому что иначе пропадет весь аромат.

— Хорошо, тетушка Тибби, — ответила Хелен, а Маргарет, задумавшись, сказала:

— В каком-то смысле мне бы хотелось иметь в доме настоящего мальчика — мальчика, которому нравилось бы общаться с мужчинами. Тогда и гостей принимать было бы гораздо легче.

— И мне тоже, — подхватила сестра. — Тибби интересуют только образованные дамы, поющие Брамса.

Когда они поднялись к брату, Хелен довольно резко спросила:

— Почему ты не поздоровался с тем молодым человеком, Тибби? Иногда, знаешь ли, следует проявлять гостеприимство. Нужно было взять у него шляпу и уговорить остаться, вместо того чтобы позволить ему совсем растеряться среди кричащих женщин.

Вздыхнув, Тибби стал теревить упавшую на лоб прядь волос.

* Рикеттс, Чарлз (1866–1931) — английский художник и книжный иллюстратор.

— Нет ничего хорошего в том, чтобы так важничать. Я не шучу.

— Оставь Тибби в покое! — сказала Маргарет, которая не выносила, когда брата ругали.

— Не дом, а настоящий курятник! — проворчала Хелен.

— Ах, дорогая! — воскликнула миссис Мант. — Как ты можешь говорить такие ужасные вещи! Меня всегда поражало количество бывающих здесь мужчин. Если и существует опасность, то прямо противоположного свойства.

— Да, но Хелен хочет сказать, что это не те мужчины.

— Вовсе нет, — поправила ее Хелен. — Мы принимаем тех мужчин, каких надо, просто у Тибби не тот характер, какой надо, и в этом его вина. В доме должно быть что-то... не знаю что.

— Быть может, что-то от тех людей, чья фамилия начинается на букву «У»?

Хелен показала язык.

— Кто это на букву «У»? — спросил Тибби.

— Про этих «У» знаем я, Мег и тетушка Джули, а ты не знаешь, так-то!

— Пожалуй, наш дом женский, — сказала Маргарет, — приходится это признать. Нет, тетушка Джули, я не хочу сказать, что наш дом полон женщин. Моя мысль сложнее. По-моему, он был безнадежно женским еще при папиной жизни. Теперь, я уверена, вы меня понимаете! Вот вам еще один пример. Будете шокированы, но ничего не поделаешь. Предположим, королева Виктория устраивает званый обед. Среди ее гостей Лейтон, Милле, Суинберн, Россетти, Мередит, Фицджеральд и прочие. Думаете, на этом обеде царит художественная атмосфера? Упаси бог! Даже стулья, на которых они сидят, стали

бы этому противиться. Так и с нашим домом — он неизбежно женский, и все, что мы можем сделать, — это постараться, чтобы он не слишком феминизировался. Точно так же другой дом, который я могла бы назвать, но не назову, казался мне безоговорочно мужским, и все, что могли сделать его обитатели, это постараться, чтобы он не стал слишком брутальным.

— Полагаю, речь идет о доме тех, кто на букву «У», — сказал Тибби.

— Ничего я тебе про «У» не скажу, дитя мое, — воскликнула Хелен. — Так что не думай об этом. Но с другой стороны, ничего страшного, если ты и догадаешься, так что в любом случае не стоит считать себя самым умным. Дай мне сигарету.

— Ты-то для дома изо всех сил стараешься, — сказала Маргарет. — Гостиная насквозь прокурена.

— Если бы ты тоже курила, дом мог бы в один прекрасный момент превратиться в мужской. Не исключено, что атмосфера в нем зависит от пустяка, который вдруг окажется решающим. Даже на том обеде у королевы Виктории, если бы что-нибудь было немного необычным — например, если на ней было бы облегающее платье для полуофициальных чаепитий вместо пурпурного атласа...

— И индийская шаль на плечах...

— Застегнутая на груди булавкой с карингормским камнем*...

За этими предположениями последовал взрыв дерзкого смеха — вы ведь помните, что Шлегели наполовину немцы, — и Маргарет меланхолично произнесла:

— Было бы совершенно непостижимо, если бы королевская семья интересовалась искусством.

* Раухтопаз, добываемый в горах Шотландии.

Разговор постепенно перешел на другие темы, и сигарета Хелен превратилась в горящую точку в темноте. Огромные доходные дома, напротив, были испещрены освещенными окнами, то исчезавшими, то загоравшимися вновь, то опять исчезающими, и так до бесконечности. За ними негромко шумела широкая улица — поток, который никогда не затихнет, а на востоке, невидимая за дымами Уоппинга, вставала луна.

— Кстати, Маргарет, мы в любом случае могли бы пригласить молодого человека в столовую. Там одна-единственная майолика — да и то тарелка прочно прикреплена к стене. Я, право, расстроена, что он так и не выпил чаю.

Это незначительное происшествие произвело на трех женщин большее впечатление, чем можно было бы предположить. Оно осталось в памяти, словно шаги гоблина, словно намек на то, что не все к лучшему в этом лучшем из миров и что под надстройками богатства и искусства бродит недоедающий юноша, который нашел свой зонтик, но не оставил после себя ни имени, ни адреса.

6

Нас не интересуют очень бедные люди. О них нечего и думать, ими занимаются только статистики и поэты. Наш рассказ о благородном сословии или о тех, кто вынужден делать вид, что принадлежит к таковому.

Молодой человек, Леонард Баст, находился на самом краю этого социального слоя. Сам он еще не рухнул в пропасть, но уже мог отчетливо ее разглядеть, а его знакомые частенько падали вниз и переставали представлять собою что бы то ни было. Он понимал, что

беден, и готов был это признать, но скорее умер бы, чем согласился с превосходством богатых. Наверное, такая позиция молодого человека весьма похвальна. Однако в том, что он все-таки уступал большинству богатых, нет ни малейшего сомнения. Он не был таким же учтивым, как среднестатистический богач, таким же образованным, таким же здоровым и таким же привлекательным. И разум его, и тело недоедали, ибо он был беден, а будучи человеком современным, он постоянно желал иметь лучшую пищу. Живи он несколько столетий назад, в ярко расцветших цивилизациях прошлого, он обладал бы определенным статусом и его доходы соответствовали бы положению. Но в теперешнем мире, где воспарил ангел демократии, покрыв различные классы тенью своих кожистых крыл и провозгласив: «Все люди равны — то есть равны все, у кого есть зонтики», — молодой человек был вынужден утверждать свое благородство, чтобы не свалиться в пропасть, где ничто уже не имеет значения и где не слышны лозунги демократии.

По дороге с Уикем-плейс молодой человек попытался первым делом доказать себе, что он ничуть не хуже девиц Шлегель. Испытывая смутное ощущение уязвленной гордости, он старался уязвить их в ответ. Скорее всего они не леди. Разве настоящие леди пригласили бы его на чай? Несомненно, это холодные и брюзгливые девицы. С каждым шагом в нем усиливалось чувство превосходства. Разве настоящая леди станет говорить об украденном зонтике? Быть может, они все-таки воровки, и, если бы он вошел в дом, сунули бы ему в лицо платок с хлороформом. Довольный собой, он дошел до здания парламента. Там его голодный желудок дал о себе знать, назвав дураком.

— Добрый вечер, мистер Баст.

— Добрый вечер, мистер Долтри.

— Приятного вечера.

— И вам того же.

Мистер Долтри, знакомый клерк, прошествовал далее, а Леонард остановился в раздумье, сесть ли ему на поезд и хоть немного проехать, заплатив один пенс, или идти пешком. Он решил идти пешком — не следует потакать своей слабости, к тому же он изрядно потратился на Куинс-Холл. И он перешел Вестминстерский мост, миновал больницу Святого Фомы, а потом двинулся по огромному тоннелю, проложенному под главной юго-западной линией в Воксхолле. В тоннеле он остановился и прислушался к грохоту поездов. Острая боль пронзила голову, и он ощутил точную форму своих глазниц. Не сбавляя скорости, он с трудом осилил еще одну милю и вышел в начало Камелия-роуд, где проживал в настоящее время.

Здесь он снова остановился и с осторожностью посмотрел по сторонам, точно кролик, готовый нырнуть в нору. С обеих сторон поднимались очень дешевые многоквартирные дома. Вниз по дороге возводились еще два здания, а за ними сносили старый дом, чтобы на его место втиснуть следующие два. Подобную картину можно было наблюдать по всему Лондону независимо от района — кирпичная кладка поднимается и рушится с неугомонностью воды в фонтане, по мере того как в город прибывают все новые и новые жители. Скоро Камелия-роуд, словно крепость, будет доминировать над окружающим пейзажем, хотя продлится это недолго. Совсем недолго. Уже есть планы возведения многоквартирных домов и на Магнолия-роуд. Но пройдет еще несколько лет, и все дома на обеих улицах могут снова пойти под снос и новые здания невообразимого пока еще размера могут подняться на месте снесенных.

— Добрый вечер, мистер Баст.
— Добрый вечер, мистер Канингем.
— Это падение рождаемости в Манчестере — дело серьезное.

— Простите?

— Это падение рождаемости в Манчестере — дело серьезное, — повторил мистер Канингем, стуча пальцем по воскресной газете, в которой ему только что сообщили о столь бедственном положении.

— Ах да, — проговорил Леонард, который не собирался признаваться, что не купил воскресную газету.

— Если ничего не изменится, к 1960 году население Англии перестанет расти.

— И не говорите!

— Дело, по-моему, весьма серьезное.

— Всего доброго, мистер Канингем.

— Всего доброго, мистер Баст.

Леонард вошел в блок «Б» своего дома и повернул не к лестнице, а вниз, в помещение, которое агенты по сдаче недвижимости называют цокольным этажом, а все остальные люди — подвалом. Открыв дверь, он с псевдодобродушием кокни крикнул: «Приве-е-ет!» Ответа не было. «Приве-е-ет!» — повторил он. Гостиная была пуста, хотя кто-то оставил включенным электричество. С выражением облегчения на лице Леонард уселся в кресло.

В гостиной, кроме кресла, было еще два стула, пианино, трехногий столик и угловой диванчик на двоих. Что касается стен, то одну занимало окно, а другую каминная полка, уставленная амурами. Напротив окна располагалась дверь, рядом с ней книжный шкаф, а над пианино висел, занимая немало места, один из шедевров Мод Гудмен. Это было не самое отталкивающее любовное гнездышко, особенно если задвинуть занавески.

вески, включить свет и не пользоваться газовой плитой, но при взгляде на него начинала негромко звучать нота, которую так часто распознаешь в современных жилищах, — нота временного пристанища. Обрести такой дом было так же легко, как и покинуть.

Скидывая ботинки, Леонард задел трехногий столик, и стоявшая на видном месте фотография в рамке соскользнула вбок, упала в камин и разбилась. Как-то невыразительно чертыхнувшись, он поднял фотографию. На ней была изображена молодая дама по имени Джеки. Снимок был сделан, когда молодые дамы по имени Джеки часто позировали с полуоткрытым ртом. Обе челюсти Джеки украшали длинные ряды ослепительно белых зубов, которые явно перетягивали ее голову на сторону, — столь огромными и многочисленными они были. Поверьте мне на слово: ее улыбка была просто ошеломляющая, — но проявлять чрезмерную разборчивость будем лишь вы да я, утверждая, что истинная радость таится у человека в глазах, а глаза Джеки никак не сочетались с ее улыбкой. Напротив, они были беспокойными и голодными.

Попытавшись вынуть из камина осколки, Леонард порезался и вновь помянул черта. На рамку капнула кровь, потом еще, и оставшаяся без стекла фотография оказалась испачканной. Теперь Леонард выругался с большим чувством и бросился на кухню, где сунул руки в воду. Кухня была такого же размера, что и гостиная, хотя она же была одновременно и спальней. Таков был его дом. Он снимал квартиру с мебелью: из всех предметов обстановки ему не принадлежал ни один, за исключением фотографии в рамке, амуров и книг.

— Черт, черт, проклятье! — бормотал он, вставляя и другие подобные слова, слышанные от людей постарше. Потом поднес руку ко лбу и сказал: «Про-

вались все к черту...», — но в этой фразе прозвучал уже совсем иной смысл. Взяв себя в руки, он выпил немного черного чая, сохранившегося, потому что его не заметили, на верхней полке, и проглотил несколько пыльных крошек кекса. Затем вернулся в гостиную, снова уселся в кресло и начал читать том Рёскина.

В семи милях к северу от Венеции...

Как совершенно начало его знаменитой главы! Как превосходна способность автора к назиданию и к поэзии! Богатый человек говорит с нами из своей гондолы.

В семи милях к северу от Венеции песчаные отмели, ближе к городу чуть поднимающиеся над отметкой самой низкой точки отлива, постепенно достигают более высокого уровня и, наконец, соединяются в поля соленых зыбунов, которые вырастают то здесь, то там в виде бесформенных кочек, пронизанные тонкими ручейками морской воды.

Леонард пытался создавать свой стиль, опираясь на Рёскина: для него это был величайший мастер английской прозы. Он упорно читал дальше, время от времени делая пометки.

Давайте немного остановимся на каждой из данных характеристик по порядку, и, во-первых (ибо о колоннах уже было сказано достаточно), на том, что весьма типично для этой церкви, — на ее освещенности.

Можно ли что-нибудь почерпнуть из этого великолепного предложения? Мог ли он использовать его для своих будничных нужд? Мог ли он ввести его с некоторыми изменениями в следующее письмо брату, теще из мирян англиканской церкви? Например:

Давай немного остановимся на каждой из данных характеристик по порядку, и, во-первых (ибо об отсутствии вентиляции уже было сказано достаточно), на том, что очень типично для этой квартиры — на ее сумеречности.

Что-то подсказывало ему, что такие изменения не годятся, и это что-то, если бы он догадался, был сам дух английской прозы. «Моя квартира темная и к тому же душная». Вот это подошло бы.

А голос в гондоле звучно и мелодично пел о Старании и Самопожертвовании, наполненный ощущением высшей цели, красоты, даже сочувствия и любви к человеку, однако каким-то образом избегая всего того, что было важным и неизбежным в жизни Леонарда. Потому что это был голос человека, который никогда не был голоден и грязен, а следовательно, и не понимал, что такое голод и грязь.

Леонард слушал его с благоговением. Он чувствовал, что приверженность голосу приносит ему пользу, что, если он не отступится от Рёскина, концертов в Куинс-Холле и некоторых картин Уоттса*, настанет день, когда он вынырнет из серого омута и увидит мир. Он верил во внезапное преображение — идея, возможно, правильная и для незрелого сознания особенно привлекательная. Она образует основу популярнейшей религии: в сфере предпринимательства она доминирует на фондовой бирже, становясь той «чутьочкой везения», которой объясняются все успехи и неудачи. «Была бы у меня хоть чутьочка везения, все пошло бы как по маслу... У него роскошный дом в Стрэтеме** и «фиат» на двадцать лошадиных сил,

* Уоттс, Джордж Фредерик (1817–1904) — английский художник-символист и скульптор Викторианской эпохи.

** Южный район Лондона.

но он, знаете ли, вообще везунчик... Простите, что жена опоздала, но ей вечно не везет — поезда уходят из-под носа». Леонард был выше таких людей: верил, что необходимо прилагать усилия и неуклонно подготавливать желаемые изменения, — но о культурном наследии, которому свойственно постепенно разрастаться, не имел ни малейшего представления: надеялся прийти к Культуре в одночасье, как возрожденцы надеются прийти к Христу. Эти сестрицы Шлегель пришли к ней, получили желаемое, овладели Культурой в полной мере — раз и навсегда. А у него между тем квартира темная и к тому же душная.

Через минуту на лестнице послышался шум. Леонард сунул визитную карточку Маргарет между страницами Рёскина и открыл дверь. Вошла женщина, о которой проще всего было бы сказать, что респектабельность ей не свойственна. Вид у нее был ошеломляющий. Казалось, она вся состоит из веревочек и шнурков — ленточек, цепочек, бус, которые звякали и запутывались, — да еще из небесно-голубых перьев боа, намотанного на шею, со свисающими неровными концами. На торчащей голой шее виднелись два ряда жемчужин, руки были обнажены по локоть, но сквозь дешевое кружево можно было разглядеть и плечи. Ее украшенная цветами шляпка напоминала покрытые фланелью корзинки для овощей, которые мы в детстве засеивали горчицей и кресс-салатом, — семена кое-где проросли, а кое-где нет. Шляпку женщина носила на затылке. Что касается волос, точнее сказать, отдельных прядей, то их описать непросто. Одна конфигурация располагалась сзади в виде толстой подушки, а другая, которой досталась менее сложная роль, обрамляла кудряшками лоб. Лицо — лицо не имеет значения. Оно было то же, что и на фотографии, но выглядело старше,

а зубы не были столь многочисленными, как предположил фотограф, и уж точно не такими белыми. Да, Джеки миновала пору своего расцвета, каким бы ни был этот расцвет. Быстрее, чем большинство женщин, она приближалась к бесцветному периоду своей жизни, что подтверждал и ее взгляд.

— Хо-хо! — воодушевленно приветствовал это существо Леонард, помогая ему снять боа.

— Хо-хо! — ответила Джеки хриплым голосом.

— Уходила? — спросил он.

Вопрос мог бы показаться излишним, но таковым не был, потому что дама ответила:

— Нет, — а потом добавила: — Ох как я устала.

— Ты устала?

— А?

— Я устал, — сказал Леонард, вешая боа.

— О, Лен, я так устала.

— Я ходил на тот концерт классической музыки, о котором тебе говорил, — сказал он.

— Что-что?

— Я вернулся, как только он закончился.

— Кто-нибудь к нам заходил? — спросила Джеки.

— Я никого не видел. На улице я встретил мистера Канингема, и мы перекинулись парой фраз.

— Что? Ты про мистера Канингема?

— Да.

— А-а! Ты хочешь сказать, мистер Канингем?

— Да, мистер Канингем.

— Я зашла на чашечку чая к одной знакомой.

Наконец открыв миру свой секрет и даже намекнув на имя знакомой дамы, Джеки не стала более упражняться в столь трудном и утомительном искусстве разговора. Она никогда не отличалась умением вести беседу. Даже в те дни, когда был сделан снимок, она полагалась

на свою улыбку и фигуру, чтобы привлечь внимание окружающих. Теперь же, когда ее образ располагался «на полочке, на полочке, ребята, я на полочке», едва ли ей удалось бы овладеть красноречием. Временами с ее губ еще срывались обрывки песенки (примером которых могут служить приведенные выше строчки), но слова, употребляемые с целью разговора, были редкостью.

Усевшись на колени к Леонарду, Джеки начала его ласкать. Теперь она была крупной женщиной тридцати трех лет, и Леонарду было тяжело ее держать, однако язык не поворачивался признаться.

— Это ты книжку читаешь? — спросила она.

И он ответил:

— Да, это книжка.

Он резко отвел книгу в сторону, чтобы избежать ее цепкой хватки, и на пол вывалилась визитная карточка Маргарет. Она упала надписью вниз, и Леонард про-
бормотал:

— Закладка.

— Лен...

— Что такое? — спросил он слегка утомленно, поскольку, когда Джеки сидела у него на коленях, у нее была только одна тема для разговора.

— Ты правда меня любишь?

— Джеки, ты прекрасно знаешь, что люблю. Как ты можешь об этом спрашивать?

— Ну, ты правда меня любишь, Лен, да?

— Конечно, люблю.

Пауза. Он уже знал, какая будет следующая фраза.

— Лен...

— Ну что еще?

— Лен, ты все сделаешь как положено?

— Я больше не могу это слышать! — воскликнул юноша, наконец выйдя из себя. — Я пообещал, что